НАТАЛЬЯ ПАТРАЦКАЯ

Лис. Апогей любви

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Наталья Патрацкая

Лис. Апогей любви. Иронический детектив

«Издательские решения»

Патрацкая Н.

Лис. Апогей любви. Иронический детектив / Н. Патрацкая — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963954-7

Роман «Лис. Апогей любви» — это иронический детектив под наблюдением семейного детектива Лиса о преступлениях и наказаниях под влиянием апогея любви и ревности.

ISBN 978-5-44-963954-7

© Патрацкая Н.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 13
Глава 3 21
Глава 4 29
Глава 5 37
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Лис. Апогей любви
Иронический детектив

Наталья Патрацкая

© Наталья Патрацкая, 2019

ISBN 978-5-4496-3954-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Анфиса прочитала письмо от Самсона, слова в них были еще те. «Ты меня не заслужила!» – повторяла она вновь и вновь его слова из письма. Он написал такие суровые слова! Анфиса глубоко вздохнула и нажала на педаль автомобиля. Машина рванула с места в карьер.

«Именно в карьер», – повторила она мысленно, останавливаясь у старого карьера и выходя из машины. Она недоуменно осмотрела окрестности. Людей нигде не было видно. Зеленая тоска охватывала Анфису волнами, которые накатывались на нее приступами тяжелейшего состояния обреченности. Она вздрогнула, посмотрела под ноги и отшатнулась от края карьера. «Обрыв не для меня, – вдруг подумала она, распрямившись, точно пружина. – Обрыв для него».

Гравий шуршал под ногами. Анфису потащило к пропасти. Почва из-под ног уходила. Ей отчаянно захотелось жить. «Жить хочу!» – кричала душа, но ее никто не слышал. Она упала и замерла. Движение гравия прекратилось. Появилась слабая надежда на спасение. Она глазами искала любой выступ, чтобы зацепиться, чтобы не съехать в этот самый карьер.

«Ты меня не заслужила!» – всплыло в памяти Анфисы. Пусть не заслужила, жила бы себе да жила. Она стала ползти медленно, как будто кто подсказывал телодвижения. Гравий колол тело. Пальцы болели. Она боялась ошибиться и упасть в пропасть, пусть не очень глубокую, но колкую и безвыходную, как сама ситуация.

Машина стояла в стороне от гравия, на застывшем куске бетона, и манила своим уютом. Гравий перестал сыпаться. Руки почувствовали старый бетон. Анфиса встала на колени, потом поднялась на ноги. Она посмотрела на свой ободранный облик, села в машину, взяла распечатанное на принтере письмо.

«Чтобы приехала в среду ко мне! Мне еще нужно найти тебе замену! Вот и сиди одна до гробовой доски, а ко мне не лезь! Ты меня вообще не заслужила! Не тормози меня!» – писал Самсон. Анфиса перечитала два раза все слова и усмехнулась.

На письме появилась кровь из пораненных о гравий пальцев. Обида прошла. В сердце появилась пустота безразличия, а рваная одежда успокаивала. Она выжила, а это главнее слов. Она пройдет этот ад одиночества. Она слегка отъехала назад на машине, потом развернулась и остановилась.

Перед машиной стоял молодой человек в куртке цвета песка, со старым рюкзаком на плече и в высоких резиновых сапогах. Он измученно улыбался. Анфисе стало страшно, но она произнесла фразу: «Двум смертям не бывать, а одной не миновать», – после этих слов она открыла дверь незнакомцу.

Мужчина положил осторожно рюкзак на заднее сиденье и потом сел рядом с ней. От него несло запахом костра, пота, грязной одежды. «Да, машину пора помыть, а то только такие грязные мужики и просят подвезти», – подумала она.

– Мне до города, – заговорил молодой человек, – сколько возьмете?

– Жизнь, – мрачно выпалила Анфиса.

– Не смешно. Почему так дорого? Тогда я пешком дойду.

– У меня шутка такая. Довезу. Вы бедный, буду Вашим спонсором на одну поездку.

– Я не бедный.

– Кто бы говорил.

– Что с Вами? Вы вся в крови!

– Шла. Споткнулась. Упала. Кровь.

– Верю. Я заплачу. Вот, возьмите, – сказал мужчина и показал свою ладонь. На ладони сверкнул маленький кусок золота.

– Откуда он у Вас?

– Этот карьер был некогда прибыльным, гравий даже привезли, чтобы строить здесь, но потом карьер забросили.

– Золото – и забросили? Здесь столица рядом, а тут такой карьер с золотом, и рядом ни одного человека! Как так?

– Я передачу по телевизору смотрел про этот карьер. Сам не поверил, что рядом с городом золото добывают в этой глине. Ведь Вы чуть в карьер не съехали! Здесь скользкая глина, а гравий сверху привозной. Весна. Только снег сошел, вот Вас и понесло.

– Почему не стали меня спасать?

– Я видел, что Вы выползете, а я здесь уже накатался по глине, да и с гравием хорошо знаком.

– Золота много добыли?

– Нет. Золота здесь на самом деле практически нет.

– А то, что Вы мне дали?

– Считайте, что это самородок.

– Вам не жалко?

– Девушка, Вы меня спасете, если до дома довезете! Поверьте – это дорогого стоит. В таком виде ехать по городу опасно.

– Зачем сюда поехали?

– Романтики захотелось, но больше не хочу.

– У Вас есть жена?

– Бог миловал.

– А меня мой друг бросил официально, можно сказать, по паутине.

– И Вы из-за этого чуть сегодня не погибли?

– Да.

– Поехали ко мне! Я не злой! Я добрый! А золото я купил у местного золотодобытчика. Пропах я здесь костром и сам знаю, что пахну не лучшим образом.

– Тогда я зайду к Вам. Мне любопытно, а как Вы живете?

– У меня квартира в старом двухэтажном доме в столичном переулке. Дом принадлежал одной пожилой женщине, я ее видел сам, когда был маленьким. У нее была тогда одна комната. Все печи в доме выложены кафелем, дом давно предназначен под снос. Нас уже четверть века снести обещают, а мы все в этом доме живем. Дом деревянный, да Вы сами его увидите, – и назвал адрес.

– Я знаю этот переулок, действительно старый переулок, исторический, можно сказать.

– Лучше бы он не был историческим, тогда бы у меня была новая квартира с удобствами, а так мне надо идти в баню или в тазике мыться.

– Я подвезу Вас до вашего дома, но к Вам заходить не буду, Вы меня напугали.

Машину она остановила у старого двухэтажного дома. Из булочной, расположенной в этом доме, шел вкусный запах, который перебил запах костра. Мужчина с рюкзаком зашел в подъезд, словно исчез в деревянной пещере, так показалось Анфисе. Она вышла из машины, зашла в булочную, а когда она вышла из магазина, то увидела того же молодого человека, но не с рюкзаком, а со спортивной сумкой, из которой выглядывал березовый веник. Он улыбался.

– В баню подвезете?

– Садитесь.

Она отвезла мужчину в баню, а сама поехала домой. Дома она залечила ранки, легла в ванну, отмылась от чужих запахов. Мокрые волосы закрутила в полотенце. Звонок прозвенел неожиданно громко.

– Анфиса, я уже чистый! Заберите меня из бани.

– И я чистая, но с мокрыми волосами. Высушу – приеду за Вами. Где Вы взяли мой номер телефона? Как Вы узнали мое имя?

– У Вас в машине лежала стопка Ваших визиток.

– Уберу. А Вы кто?

– Семейный детектив Лис, Илья Львович.

Анфиса подъехала к бане. На крыльце бани стоял неизвестный мужчина, но она заметила знакомую сумку в его руке. Теперь он был дважды известный. Стройный мужчина с идеальной стрижкой, с чистым лицом, в джинсах и ковбойке был необыкновенно привлекателен…

По дороге шел человек в потертых джинсах и красной ковбойке с полиэтиленовым пакетом в руке. Его сильная рука была оттянута тяжестью. «Какая тяжесть может лежать в пакете?» – подумала девушка, идущая следом за ним. Рука мужчины опустилась еще ниже и резко поднялась вверх. На дорогу упал сверток, в котором нечто блеснуло. Мужчина остановился. Остановилась и девушка, слегка задев мужчину и с трудом узнавая в нем некоего Степана Степановича, своего бывшего сослуживца.

– Проходи, Анфиса, – узнал ее Степан Степанович. – Ничего для тебя интересного нет.

– Степан Степанович, Вы золотые гири несете? – спросила с насмешкой Анфиса.

– Не твое дело! Иди своей дорогой.

Анфиса посмотрела на мужчину. Ей стало интересно, что такое он несет?

– У меня есть прочная сумка. Я могу ее дать Вам, чтобы Вы донесли свою гирю, – сказала Анфиса наставительным тоном.

– Не нужна мне твоя сумка! – истерически крикнул Степан Степанович.

– Зачем кричать? Дарю сумку! – воскликнула настойчивая девушка, протянув пустую сумку, сшитую из ткани.

Степан Степанович машинально взял сумку. Он поднял сверток с земли и небрежно сунул этот сверток в сумку, предложенную Анфисой. Рука его оттянулась под тяжестью предмета. Сумка стала трещать по швам.

– Эй, Анфиса! Забери свой подарок! Он рвется!

Анфиса оглянулась, подошла и забрала свою порванную сумку. Степан Степанович двумя руками держал сверток перед собой.

– Иди своей дорогой! Не смотри на меня! – крикнул он ей.

– Чего Вы так злитесь? – спросила она.

– Ладно, скажу. От тебя не избавиться иначе! Сегодня я обошел старый дом отца, который скоро будут сносить, и нашел самодельный слиток золота! Ты не поверишь, но это слиток моего отца, поэтому он мой!

– Здорово, Степан Степанович, Вы не украли, а нашли слиток золота в своем родовом доме. Радуйтесь, а я пошла.

– Нет, Анфиса, не уходи! Мне одному жутко с этим куском золота. Я побоялся такси вызвать, ведь любой таксист, как психолог, быстро узнает, что я золотой слиток везу. Ты вот все узнала, и он бы мог узнать.

– Понятно. Идемте ко мне. Мой дом рядом. Я недавно переехала в этот район.

– Идем к тебе. До моего дома еще далеко, – схитрил мужчина. – Анфиса, я отдохну у тебя немного, с тобой поговорю, а ты мне машину вызови по телефону. Я попытаюсь с таксистом не разговаривать.

– Я видела, что наша соседка ездит на машине. Пусть она Вас отвезет!

Разговаривая, они подошли к дому Анфисы, поднялись на ее лестничную площадку. Они немного посидели на кухне, чай попили. Анфиса не выдержала тайны и попросила показать ей слиток. Она еще никогда не видела самодельные слитки золота. Слиток ее удивил. Может, это и был слиток золота, но больше похожий на небольшой брусок, а по контуру его окружал

янтарь. Янтари так вжились в золото, что трудно их было отделить. Очень слиток напоминал печенье с изюмом.

– Ничего себе сокровище! Степан Степанович, а почему Вы решили, что это сокровище – слиток Вашего отца или деда? Это надо же было в слиток впечатать янтари! Да как красиво получилось! Очень похож слиток на коврижку, которую смазали яйцом, а внутрь изюму не пожалели. Нет, этот слиток старше Вашего деда! Где Вы его нашли?

– Я же сказал, что старый дом отца пошел под снос. И отца давно нет, и дом часто пустовал. А тут вдруг объявили, что дом сносят. Я и пошел в свой дом, где родился. Я, когда был маленький, облазил весь пол. Еще в детстве я играл в «секреты» с соседскими девочками. Они закапывали в землю осколки стекла или посуды, а потом их разыскивали, нежно сбрасывая землю с «секрета». Я разложил газеты на полу, лег на них и стал осматривать нижнюю часть комнаты с высоты своего детства. Под корочкой головного мозга у меня осталась картинка из детского «секрета». Я тогда колупал стенку, покрытую штукатуркой, и в одном месте стены обнаружил золотистый предмет. Мне нравилось его трогать пальчиками. Вспомнил я! Это было под кроватью моих родителей, сверху над головой у меня тогда была железная сетка кровати. Я покрутился по полу, нашел место, где стояла кровать. Потом я взял старую кочергу, лежавшую у печки, и стал отбивать стенку. Недолго и искал. Под кочергой блеснула золотистая вспышка. Тогда я стал рукой обдирать штукатурку, лишь иногда применяя кочергу. Из стены выпал золотой слиток с янтарем, завернутый в лоскут из мешковины.

– Степан Степанович, похоже, что Вы правду мне говорите. Значит, это действительно Ваше сокровище, и оно мне нравится.

Анфиса повертела брусок в руках и сказала:

– Это не слиток золота, а скорее железо, покрытое золотом. Вероятно, брусок снят с какого-то предмета. Возможно, что это ножка шкафа или гиря от часов.

– Еще скажи, что это стрелка из часов.

– А почему нет?!

– Не дала мне порадоваться! Я думал, что богатым стану. Нет, умная баба лишила мужика слитка золота!

– Не обижайтесь. Пакет Ваш порвался. Это чугунное литье, покрытое золотом!

– Совсем меня бедным сделала, – обиделся большой мужчина.

Анфиса позвонила в дверь соседней квартиры. Из квартиры вышел накачанный молодой человек:

– Девушка, Вы к кому? Неужели ко мне? Анфиса – это Вы?

– Я, Платон, Ваша новая соседка. Необходимо мужчину отвезти домой. Я видела, что в этой квартире живет женщина, у которой есть золотистая машина.

– Это машина моей мамы. Но ее сейчас дома нет. Она не работает таксистом.

– Извините, я такси вызову.

– Правильно, вызовите такси, если мужчина сам не может этого сделать, – иронично ответил молодой человек.

Девушка резко повернулась к своей двери, но как-то всем своим существом почувствовала, что молодой человек смотрит ей в спину.

Она резко повернулась к нему:

– До свидания, Платон!

– Именно до следующего свидания, Анфиса, – нежно проговорил сосед.

Анфиса прошла в свою квартиру и спросила грустного мужчину:

– Степан Степанович, доедете на такси? Хотите, я Вас провожу?

– Нет, провожать меня не надо. Золота у меня больше нет. Оставь себе эту позолоченную чугунную болванку с янтарем! – крикнул Степан Степанович, но чугунную болванку взял с собой как память о детстве.

С соседом по лестничной площадке Анфиса несколько раз поднималась в лифте. Они познакомились. Однажды он зашел к ней в квартиру и сделал ей официальное предложение.

– Платон, мы мало знакомы, – ответила Анфиса. – Не рано ли нам жениться?

– Я не был женат, детей у меня не было, могу жениться, – невозмутимо ответил он.

– Чудный предлог для предложения руки и сердца, – заметила она без эмоций.

– Подожди, Анфиса! Я сейчас свою маму позову! – крикнул Платон и исчез за дверью.

Вскоре Платон появился в дверях с симпатичной женщиной, представив ее Инессой Евгеньевной.

Платон внимательно посмотрел на Анфису и сказал более настойчиво:

– Анфиса, давай поженимся!

– Сегодня? – засмеялась Анфиса.

– Немедленно, пока не явился кто-нибудь другой!

– Анфиса, твоя квартира просто великолепна, – усмехнулась Инесса Евгеньевна, осматривая комнату.

– Возможно, что у меня еще не так красиво, как хотелось бы. Подождите, к Вам кто-то пришел.

В дверь Анфисы постучали, а не позвонили.

Платон открыл дверь:

– Родион, как ты догадался, что я тебя жду в этой квартире?

– Услышал твой голос сквозь приоткрытую дверь. Я уже слышал, что у тебя появилась новая соседка. Нетрудно было догадаться, что ты ее не пропустил.

– Друг, ты пришел вовремя! Я сватаю соседку за себя, но ты ее у меня не отбивай!

– Я что, такой плохой, чтобы у друга невесту уводить? Я знаю, как ты с ножами управляешься.

– Прав, Анфиса еще не жена, но очень похожа на мою невесту.

– Так ее Анфиса зовут? Приятно будет продлить знакомство.

Анфиса и Платон действительно вскоре скромно расписались. Он всегда и во всем торопился, словно боялся опоздать. Вскоре он стал приставать к молодой жене с вопросом:

– Анфиса, когда у нас будет ребенок?

Она смотрела на него удивленно, не понимая, когда бы они успели сделать ребенка? Так получилось, что вскоре они поссорились, но быстро помирились.

Платон прошел перед Анфисой по комнате и сказал:

– Куплю новую машину, тебя на ней не повезу!

– Почему? – она искренне удивилась.

– Потому, что ты ничего не делаешь для нее!

У Анфисы глаза от удивления круглыми стали:

– Почему я ничего не делаю?

– Ты не копишь деньги на новую машину!

Анфиса удивилась еще больше, потому что она получает денег больше, чем он, и она виновата? Ладно, глядит жена, а муж вещи собирает!

Платон ходил по квартире и собирал свои вещи! Бритву забыл. На прощание сказал, что он сюда больше не вернется! Вот тебе и день после чужого выпускного! Он ушел к матери, Инессе Евгеньевне. Анфиса все думала, что он шутит. Звонит ему через сутки. Долго никто к телефону не подходил, определитель номера у них всегда работает. Потом трубку взяла его

мать и сказала, что он в ванне. Он не перезвонил, но через сутки по Интернету предложил ей развод!

А такая любовь была в ночь! А может, он ей диссертацию по любви сдавал? Отчет по любви, зачет хотел у Анфисы получить, что у него с теорией и практикой любви все на высшем уровне? Он на самом деле любил по высшему пилотажу, она даже спросила у него, где научился, а он ответил, что телевизор ночью смотрит.

Шутки шутками, но любовь была что надо! И вообще за короткое время замужества он из робкого паренька превратился в уверенного в себе мужчину. Был скромный, неумелый, стал асом-любовником! И все кончилось раз и навсегда, после того дня на пляже они и десяти слов не сказали, разводились и то молча. Не поймет Анфиса, в чем дело? Или и у него получился выпускной из семейной жизни, сдал последний экзамен любви и получил свободу. Но ей от этого нелегче. Или все равно? Нет.

Главный упрек бывшего мужа Платона: она не купила ему новую машину. Надо было исправляться. В свое время она учила правила дорожного движения так, словно от них жизнь зависит, хорошо учила. На двадцать вопросов из двадцати ответила.

Но по практике вождения дела обстояли хуже, ехать с инструктором было относительно легко, а самой помнить о переключении скоростей мучительно. Следовательно, надо купить дорогую машину с автопилотом. А денег у нее на такую машину не хватало. Права она все же получила, и без доплаты. И захотелось ей маленькую аленькую машину, чтобы самой везде ездить и не стоять пнем на автобусной остановке, когда ее старая машина в ремонте стоит.

А где деньги взять? Вспомнила она про отца, про его огромную по деревенским меркам пенсию, поехала в деревню. Отец пасеку держит и пенсию придерживает. Поговорила Анфиса с отцом, поскулила о жизни, дал он ей денег на пару колес, все лучше, чем ничего.

Стала она посещать сайты, где автомобилями торгуют, к ценам присматривалась, к машинам. До мечты все еще было далеко, нужно было вливание чужих денег. Сказала Анфиса о своей проблеме Самсону, он весьма доброжелательно прореагировал на ее мечту об алой машине. Дал денег, которых ей так не хватало. Она купила машину алую, новую, чисто женскую, на автопилоте.

– Привет!

– Привет!

– Я соскучился.

– Быть не может.

– Это правда.

– Платон, ты променял меня на пластиковые окна! Кто из женщин дает тебе больше денег, с той ты и живешь, даже если это собственная мать! Она поставила в квартире окна, и ты послал меня к черту! – воскликнула в сердцах Анфиса – Что молчишь? Купил пластиковую куклу в магазине? Не будешь ведь ты жить со своей мамой за окна?

Платон легко менял взгляды на все устои жизни и долго на Анфису не сердился. Однажды он принес ей в подарок шесть стульев. Она искренне удивилась подарку: в маленькой квартире один стул поставить было некуда, а он принес целых шесть стульев!

Да, у нее маленькая квартира, и она так хотела сделать ее красивой! А вместо этого все свободное время у нее уходило на приготовление пищи для Платона, когда он жил с ней. А еще он принес каталог антикварной мебели. Она долго его рассматривала и смутно чувствовала в душе непонятную тревогу. Ей очень понравился журнал, а особенно мебель из этого журнала. Ей захотелось жить среди этой мебели! Да где ее взять? И главное, на какие деньги?

Минутная музейная слабость к золотым вензелям неизбежно переходила в жизненную потребность. Анфиса всегда жила среди прямоугольных домов или прямоугольной мебели, простой до примитивности. Получалось, что до двадцатого века создавали мебель, радующую глаза хотя бы небольшой части общества, а потом все исчезло и перешло в музеи. Ей так хоте-

лось чего-нибудь золотого и с вензелями! Из-за этой потребности у нее всегда было смутное желание побывать в прошлом веке, и она ходила по музеям. Где еще найти остатки роскошной жизни?

Анфиса купила золотистую краску, поставила ее перед глазами, думая, что так она быстрее придумает, как ее использовать. А в душе у нее было пусто до отчаянья и головной боли: у нового благородно изогнутого стула две ножки постоянно выступали вперед. И куда они бежали? А сделан он был так, что в его сиденье можно было сокровища прятать.

Где их взять? Сокровища. И в голове нет ничего, кроме этой самой головной боли, а когда она сидит на этом стуле, то мысли лучше функционируют. На старом стуле мысли старые или в голове пусто и желания спят. Нет желаний.

Анфиса коснулась обивки стула рукой. У нее появилась мысль продать этот стул и его братьев за большие деньги. Ее вчера попутным ветром занесло в антикварный магазин мебели, и она увидела цены на очень старую мебель. Цены ей понравились, а дома у нее без толку стояли шесть стульев с изогнутым профилем, обтянутых шелком.

Она взяла в руки банку с золотой краской, взболтала жидкое золото, задумалась на секунду и полиэтиленовой пленкой обтянула шелк, потом из пульверизатора покрыла дерево стульев золотой краской. Она залюбовалась своей работой и решительно набрала номер телефона:

– Платон, будь человеком, в твоей фирме есть камеры тепла и холода для испытаний? В камеру стул влезет?

– Анфиса, ты чего придумала на мою голову?

– Я что, деньги у тебя прошу? Нет. Я прошу взять новый стул, погреть его и заморозить раз десять – и все.

– Понятно. Понимаешь, дорогая моя, так поступают с иконами, но не со стульями!

– Родной мой, я не умею рисовать иконы! Я стул покрасила золотой краской, только олифы у меня нет, чтобы его покрыть.

– Ладно, возьму стул, погрею, заморожу. Но претензии по его внешнему виду не приму.

– Спасибо, а шесть стульев возьмешь?

– Радость моя, у нас солидная фирма! Один стул я смогу оправдать, сославшись на то, что его склеиваю, но шесть стульев…

– Возьми один стул, склей его. У стула на самом деле передние ножки от задних ног постоянно вперед уходят. Я уже их склеивала.

– Анфиса, слышу нормальную речь! Склею стул и проведу испытания клеевого шва в дереве.

– Платон, спасибо! Ты настоящий мужчина!

Глава 2

Платон принес стул на испытательный стенд. Работница стенда согласилась помочь испытать клеевой шов в стуле. Стул ей очень понравился, и она вполне понимала желание Платона склеить его качественно. Через пару суток Платон вернул стул Анфисе. Она ойкнула и радостно покрутила стул на одной ножке.

– Анфиса, чему радуешься? На стуле сидеть можно, но обивка несколько сжалась, само дерево слегка потрескалось, верхний слой покрытия вообще стал в мелких трещинах, надо теперь его заново красить.

– Платон, на этом стуле у меня в голове рождаются славные мысли, спасибо!

– Тебе видней. Я сделал то, что ты просила. Сиди на стуле и мысли. У меня сегодня много работы, стул я тебе привез. Все, я уехал. Пока.

– Счастливо, родной! – Анфиса расплылась в радостной улыбке, закрывая дверь за Платоном. Она подошла к стулу, взяла его и понесла к соседке.

Соседка, пожилая, приятная женщина, встретила ее спокойно. Анфиса высказала свою просьбу:

– Инесса Евгеньевна, помогите, пожалуйста! Мне от бабушки достался один старый стул. Я его выкинуть хотела, но мне так понравился его изгиб, что рука не поднялась.

– Конечно, Анфиса, я помогу тебе. Но чем? Почистить его шкуркой?

– Что Вы, ни в коем случае! Вы его сдайте в свой антикварный магазин, только не трогайте его. Я его сама довезу до магазина.

– Анфиса, я никогда ничего подобного не продавала. Получится ли у меня продать ваше наследство?

– Инесса Евгеньевна, бабуля мне рассказывала, что этот стул ей достался от ее бабушки, он у нее стоял в кладовке.

– Видно, что стул старый, забыли его вовремя выбросить, – усмехнулась Инесса Евгеньевна, но ее глаза хитро блеснули.

– Ладно, не надо его продавать, я просто хотела Вам показать бабушкино наследство.

– Анфиса, я думаю, что ты пошутила насчет антикварного магазина.

– Простите за беспокойство, – сказала Анфиса и спиной, неся стул, вышла из квартиры матери Платона.

Дома она перевернула стул, оторвала пожелтевшую этикетку, еще раз осмотрела стул, поставила его в угол. Затем она вынесла из комнаты пять стульев и без стульев поехала в магазин на новом автомобиле.

– Вас что-то у нас заинтересовало? – спросил вездесущий продавец Родион, между прочим, друг ее мужа Платона.

– Вы мне вчера понравились, а мебель сегодня, – ответила Анфиса, кокетливо улыбаясь продавцу.

– Меня среди антиквариата и мебели обычно не замечают, – хмуро ответил молодой человек.

– Что Вы сегодня вечером делаете? – спросила она молодого мужчину.

– К Вам еду. Я правильно понял? – усмехаясь, спросил продавец. – Рабочий день через полчаса закончится. Только мой визит Вашему мужу Платону может не понравиться.

– Можно я похожу пока по магазину, а потом поедем ко мне?

– Ходите, смотрите, это не запрещено, – предложил вежливо Родион.

Анфиса два раза обошла торговые залы, потом вышла из магазина и села в автомобиль. Она с тоской подумала, что делает глупость. Ей захотелось уехать от магазина куда подальше, но на крыльце показался продавец Родион.

– Идите сюда, – позвала Анфиса, открывая дверцу машины.

– Женщины меня еще не возили на машине, – сказал он, глядя на машину.

– Времена меняются, я давно за рулем.

– Что мы у Вас делать будем? Я понял, Вы хотите оценить свой антиквариат!

– Мы уже знакомые, а антиквариата у меня никогда не было. Мебель у меня современная.

– Хороший ответ, а я подумал, что Вы заманиваете меня в дом как оценщика старой мебели.

В подъезде Анфиса столкнулась с Инессой Евгеньевной. Пожилая дама улыбнулась и вопросительно посмотрела в глаза Родиона, но промолчала.

Родион прошел в квартиру и воскликнул:

– Я прав, Вы меня привезли оценивать этот стул, – он подошел к стулу. – А что, неплохой стульчик! Прямо скажем, неплохой! – засмеялся радостно Родион, глаза его так хитро сверкнули, что Анфиса удивилась.

– Вы проницательны, – сказала Анфиса с некоторым внутренним раздражением, ей показалась, что афера себя не оправдала.

– Продать Ваш антиквариат? – спросил Родион, многозначительно покачивая головой.

– Нет, он мне дорог, как память.

– Все так говорят и продают, а покупатели эту память покупают. Сказать Вам цену на этот стул? – и он назвал цену.

– Так мало?

– Вот видите, из-за стула Вы меня привезли! А мало стул стоит потому, что без легенды и тянет на позапрошлый век.

– Правда, что ли?

– А Вы что, не знали что стул восемнадцатого – девятнадцатого века?

– Нет, на самом деле я его принесла из бабушкиной кладовки. Мне его профиль понравился, изогнутость ног и спинки. Я с детства этот стул помню. Я на нем сидела, когда к бабушке приходила пить чай с вишневым вареньем. Дома у нас варенья никогда не было, – увлеченно врала Анфиса и сама верила своим словам.

– С какой грустью Вы говорите и так красиво. Вспомнили бы лучше историю стула до варенья с чаем или вспомните, что бабушка говорила о своей бабушке.

– Не помню, мне это было неинтересно.

– Тогда дороже не продать. Я сейчас уйду, Вы стул сами привезете, а мы его продадим. Вот и вся любовь – на один стул. Я без обиды говорю, Вы не первая клиентка в моей работе, которая меня увозит на оценку антиквариата под предлогом интереса.

Родион ушел. Анфиса села на диван, еще раз посмотрела на стул и рассмеялась:

– Это ж надо! Восемнадцатый век!

Она позвонила Платону:

– Платон, спасибо за стулья восемнадцатого века!

– Анфиса, ты откуда узнала, что они восемнадцатого века?

– Твой друг Родион сказал.

– Ты бедствуешь, моя радость? Я купил стулья, а ты их продаешь?

– Так получилось. Стулья на самом деле из гарнитура восемнадцатого века?

– А ты вспомни, где я работаю! Я теперь работаю на частной мебельной фабрике. Мы изготавливаем мебель на заказ малыми партиями. Однажды нас попросили сделать гарнитур из восемнадцати стульев, похожих на стулья восемнадцатого века. Я ездил по музеям. В музее

великого писателя нашел этот стул. Мы по этому стулу выполнили заказ, а заказчик оплатил двенадцать стульев. Шесть стульев я купил по цене с большой скидкой и тебе подарил.

– Вот теперь спасибо. А ты знаешь, что я могу один стул продать как антиквариат восемнадцатого века? Ты лучше скажи, где находится музей, в котором ты стул срисовал?

– Я соскучился. Приеду и все расскажу.

– Приезжай хоть сейчас, – сказала Анфиса и положила трубку телефона.

Анфиса спрятала стул, прошедший испытания на стенде. Пять стульев она распределила по квартире так, чтобы их число не сразу определялось. Посмотрела на себя в зеркало и решила, что красивее быть необязательно, и побрела на кухню готовить ужин для любимого мужчины. Дети у них пока не появились. Платон хотел детей, бредил продолжением своего рода. Анфиса упреки на эту тему не выносила. Она привыкла к его дарам. Они ее устраивали.

Платон был гибким мужчиной, легким на подъем. Вес на его теле так равномерно распределялся, что он казался просто прекрасным, что Анфисе весьма импонировало. Он знал и чувствовал дерево в любом его проявлении, но что касалось техники – тут у него был полный провал. Машину водить он умел, но без особой легкости, хотя имел права на вождение. Вообще он весь был отголоском прошлых веков. Последнее время он вновь воспылал любовью к Анфисе. Она пыталась увильнуть от его назойливой любви, но чем больше она его отсылала, тем настойчивее он становился.

Если Платон любил Анфису, то кто из них сильнее любил? Непонятно. Она могла бы с ним и на футбол пойти, но он за футболистов не болел. А у Анфисы даже шарфик фирменный был. Не болельщик он футбольный, а наглый молодой муж, поэтому Платон Анфисе и нравился.

Вечером они были на ночной дискотеке. Музыка гремела, цветомузыка вращалась и посылала импульсы в толпу танцующих людей. Анфиса танцевала так, что от нее постепенно все отпрыгивали в сторону. Она же почти настоящая танцовщица, и на нее интересно смотреть. Платон остановился и посмотрел на ее танец, за ним остановились все, и Анфиса вытанцовывала в одиночку.

На нее нашло вдохновение танца! Приятно! Анфиса находилась в центре внимания публики, в центре цветовой настройки танцевального поля, в центре музыки. Подошел к ней Платон после танца, и они пошли на улицу. Погода прохладная. Нуль или ноль градусов. И они два нуля.

Но сейчас не об этом.

Нечто подобное вспоминала Анфиса, пока ставила рыбу, залитую майонезом, в духовку. Платон любил картофельное пюре со сливочным маслом и молоком, этим она и занялась. Накануне он привез сетку картошки, сетку свеклы и все остальные овощи. Она открыла дверь своему снабженцу и вновь пошла на кухню. Он сам знал, что ему делать с овощами. В нем не было эксцентричности, но была основательность, в нем не было любовной суеты, но любил он душевно.

Анфису устраивала домашняя любовь без особых требований.

– Анфиса, я смотрю, все стулья на месте.

– Платон, а куда им деваться, все они здесь, – сказала она, снимая передник, оставаясь в платье, облегающем фигуру.

– Как ты хороша в платье! А то ходишь в брюках, словно ты не женщина!

– Я для тебя платье надела.

– А хоть бы и так, все одно приятно, глаз мой мужской радует. Хочешь знать, где я стул срисовал? Мы можем туда вдвоем съездить, если довезешь на машине. Это старая усадьба, музей писателя.

– Ой, Платон, вот почему мне на этом стуле хорошо думается!

– Угодил, стало быть, и то славно.

Через некоторое время Платон бросил Анфису по неизвестной для нее причине и вернулся к матери, видимо, у нее квартира была больше.

– Привет! – воскликнул Платон, встретив на лестничной площадке Анфису. – Я соскучился.

– Быть не может, – без эмоций возразила Анфиса.

– Это правда.

«Жесть!» – подумала Анфиса и пошла дальше, у нее не было денег на покупку Платона. Она представила, как он в магазине купил куклу. И пропела мысленно: «Секс-топ, секс-топ, секс-топ, секс-топ».

Платон после очередного своего ухода от Анфисы действительно перешел жить к матери. Поскольку квартиры располагались на одной лестничной площадке, то появление Степана Степановича в квартире Анфисы соседи заметили. Но Инесса Евгеньевна ради сохранения своей внешности мускулом на своем лице не дрогнула. Да и Степан Степанович при встрече спокойно пожал огромную руку Платона.

– Люди! – хотелось крикнуть Инессе Евгеньевне, когда она одна сидела в большой и пустой квартире. Когда женщина дома одна, ей прислуга не нужна, она влачит ленивое состояние. Она занималась тем, сем, потом ей это здорово надоело. Одним словом – никого дома, надо же было ей придумать себе такой ленивый выходной день!

Инесса Евгеньевна, директор антикварного магазина, отдыхала от людей и суеты. Она достала обруч и стала крутить его вокруг своей талии. У нее замечательные ногти. Великолепная грива толстых волос украшает ее голову, которую она мыла два раза в неделю, и волосы прекрасно лежали в прическе и жирными не становились. Бог ее не обидел. Иногда она считала себя излишне худощавой. И вот такая женщина с огромными серыми глазами и миловидным лицом сидела дома по собственной инициативе и страдала от безделья, ею же созданного!

Поэтому Инессу Евгеньевну вполне устраивало возвращение сына Платона из соседней квартиры, с ним она становилась более обеспеченной. Его деньги шли в общий карман семьи из двух человек, деньги жене он не давал, если жил дома.

Анфиса почувствовала нехватку денег с тех пор, как от нее ушел Платон, но просить деньги у него она не могла; вот и пошла на аферу со стулом, а стул и впрямь оказался родом из восемнадцатого века, можно сказать, почтенной копией стула знаменитого писателя!

«Вот тебе и легенда, – подумала Анфиса. – И придумывать ничего не надо, это на самом деле копия стула великого писателя восемнадцатого века! Надо только каким-то коленом к этому писателю примазаться, как масло на хлеб». Она медленно обошла домашнюю библиотеку, обнаружила одну книгу великого писателя, прочитала биографию.

Все складывалось лучшим образом: они с писателем жили почти рядом по меркам огромной страны. Так что там бабка о своей бабке могла сказать? Это надо было придумать. Анфиса окунулась в книгу писателя, бывшего владельца настоящего стула.

Заказчиком стульев восемнадцатого века был тот самый продавец из антикварного магазина. Звали его Родион. В магазине один покупатель забыл буклет с фотографиями усадьбы писателя. Родиону один стульчик на буклете очень приглянулся. Он его и заказал в фирме Степана Степановича, а Платон съездил в усадьбу и снял размеры с оригинала. Еще Родион был наслышан, что есть испытательные стенды, на которых можно провести процесс старения изделий, в том числе и мебели. Он хотел купить себе машину с большим багажным отсеком для перевозки мебели.

Директором антикварного салона мебели в то время работала Инесса Евгеньевна, именно она обмолвилась Родиону о стендах, которые были в фирме Платона. Родион покаялся, что стульчики он заказал, она его пожурила и похвалила, так они сообща купили двенадцать стульев и положили их на склад. Шесть стульев прошли несколько иной путь в доме Анфисы.

Инесса Евгеньевна сразу сообразила, что Анфиса пошла правильным путем по старению стульев, дальше они сами с Родионом справились с двенадцатью стульями. Перед Инессой Евгеньевной лежал график ее личного старения, его знакомый экстрасенс составил: что было, что будет в плане ожидаемых болезней. А что, очень похоже. Инесса Евгеньевна от кривой своей старости особо не отклонялась. Получается, что жизнь похожа на гладиолус, бутоны раскрываются снизу и постепенно подбираются к верхушке цветка.

Гладиолусы бывают маленькие, с небольшим количеством цветков, а бывают породистые, ну очень большие. Каждый цветок что-то да обозначает, что бы он ни обозначал, а смысл один: больше цветков – длиннее жизнь. Инесса Евгеньевна претендовала на большую жизнь, то есть на большой гладиолус.

Вредных привычек у нее не было, а это сразу давало значительный довесок к возрасту. Инесса Евгеньевна, женщина от природы властная, сыну подчинялась с полуслова. Она переживала первый кризис старости, костная система у нее стала выходить из подчинения. Она перечитала все статьи по поводу болезней ног, больше всего ей понравилась одна статья о том, как сохранить кальций в организме, и она бросила пить кофе, на этом она решила, что все рекомендации статьи выполнила и кальций будет у нее в норме. Она купила упаковку кальция из 20 таблеток, выпила четвертую часть таблеток, запила водой и отключилась.

Выспавшись, она принялась за уборку квартиры. Иногда ее доставали боли, но она упорно двигалась, ведь недаром женщины пожилого возраста идут в уборщицы или помогают убирать квартиры своим продвинутым детям! Как ни странно, но именно это и есть народный секрет женской живучести.

На счастье или несчастье, Степан Степанович явился к Анфисе выговориться. Он посмотрел на Анфису, читающую книгу и совсем забывшую про него, собрал со стола посуду после ужина и стал ее мыть. «Вот и вся любовь», – думал он, водя губкой в пене по тарелкам и смывая с их боков пену водой.

Платон шел с работы, задумался, да и позвонил в дверь, можно сказать, по привычке. Дверь открыл Степан Степанович в переднике, пена на руках указывала на его домашний труд в квартире его бывшей жены, что Платону было хорошо знакомо.

– Привет, – сказал Платон. – Анфиса дома?

– Где ей еще быть? Книгу читает, – ответил Степан Степанович, полностью закрывая собой дорогу в квартиру.

– Я по привычке нажал на звонок, домой иду, – сказал Платон и стал открывать соседнюю дверь ключом.

Анфиса проблемами старшего возраста особо не страдала, она лежала и читала книгу писателя восемнадцатого века, у которого еще при его жизни был стул восемнадцатого века. Она всеми клеточками своего серого вещества мозга пыталась найти нечто общее между своими предками и великим писателем прошлого, пока ей это не удавалось.

Внезапно Анфиса почувствовала, что строчки книги уходят в темноту. Она подняла голову от книги, посмотрела на источник света, но вместо торшера у дивана обнаружила огромную фигуру Степана Степановича.

– Заметила, наконец, что я здесь! Анфиса, я к тебе пришел, а не к посуде.

– Простите, Степан Степанович! Я забыла о Вас, зачиталась, ушла в прошлое.

Степан Степанович медленно опустился на колени, сложил свою огромную голову на ее грудь, слегка поводил волосами по платью, как гигантский кот. Молодая женщина не выдер-

жала и погладила большую голову мужчины. Он медленно стал подниматься и с необыкновенной прытью барса перемахнул через нее и оказался лежащим с другой стороны платья.

Анфиса повернулась к Степану Степановичу. Он сжал ее платье со всех сторон своими огромными руками. Она утонула в объятиях мужчины, продолжая держать в одной руке книгу.

– Да выкинь ты эту книгу! – в сердцах воскликнул Степан Степанович.

Анфиса разжала пальцы. Книга выпала из ее руки. Свободной рукой она обняла мужчину.

– Так-то лучше, – проворчал он, невольно освобождая ее колени от домашнего платья.

– Степан Степанович, может, не надо?

– Еще чего! Мы взрослые люди. Муж тебя бросил. А ты лежишь тут передо мной, слегка платьем прикрытая, вся изогнутая по профилю, ножки свои голые демонстрируешь, а потом говоришь: «Не надо, Степан Степанович».

Анфиса поняла, что никто ее возражения не услышит, и откинулась на спину. Она выгнулась, как кошка. Прощальным взглядом встретилась с торшером и выключила свет.

– Свет чем тебе помешал? Или я тебе не по нраву пришелся? – спросил Степан Степанович и уверенным движением расстегнул молнию на платье.

Женщина села и стянула с себя платье, ее ноги были в руках мужчины. Она и встать не могла, но подумала, что сама на стул стала похожа с вытянутыми руками, словно они – спинка стула с чехлом из платья. Наконец платье опустилось на пол.

Тут же властные, мощные руки вцепились в скромную верхнюю полоску с двумя выступами и слегка подергали маленькую вещичку. Она еще раз села, изображая стул, сняла и эту одежку. Руки мужчины, довольные до безобразия, взяли в свои руки верхние, чувствительные выступы на ее теле, сжали, потом нежно-нежно стали проводить местный массаж чувствительных участков тела, освобожденных от ткани.

В какой-то момент времени рукам это надоело, и они бесцеремонно полезли к ногам. По этой дороге руки столкнулись с еще одной тоненькой одежкой. Руки нервно дергали несчастную тряпочку. Анфиса выкрутилась из последней одежки, оставив ее в руках мужчины.

Внезапно огромная масса тела взлетела над ней в порыве человеческих чувств. А ей очень захотелось выкрутиться из-под этой массы тела, но она практически подчинилась…

«Еще немного, еще чуть-чуть» – и две массы тел объединились бы в одну, но как будто кто свыше сообщил об этом четырем людям сразу:

– некто позвонил в дверь,

– зазвонил телефон,

– запели на разные голоса два сотовых телефона.

Пара распалась на две части.

Степан Степанович поднял свое огромное тело и рванул к личному сотовому телефону.

Анфиса на три части разорваться не могла. Она стала собирать в кучу свои вещи, потом пошла за халатом, потом рванулась к телефону, а сотовый сам замолчал, оставив номер звонившего человека…

У двери стояла Инесса Евгеньевна:

– Анфиса, давай свой стул. Я его продам, есть покупатель на старый стул.

– Я раздумала его продавать, Инесса Евгеньевна, мне на нем хорошо думается.

– А кто там у тебя по телефону говорит? Платон дома сидит. А ты чего такая лохматая, и лицо у тебя красное, возбужденное…

– Я Вам потом объясню, – сказала Анфиса и попыталась свекровь отодвинуть от двери.

– Ты чего, Анфиса, я тебе помешала?

– Нет, я стул не продаю! Тема исчерпана.

– Анфиса, с кем ты там говоришь?! – прокричал Степан Степанович и высунулся в прихожую.

– Анфиса, ты не одна! – вскричала Инесса Евгеньевна. – А как же мой Платон?!

– Платон деньги отдает вам? Значит, и живет у Вас, а я сама по себе.

– Бабы, что за разборки в такое время?! – зашумел недовольный ситуацией Степан Степанович. – Что за ерунду вы говорите?

Инесса Евгеньевна слабо, но стала соображать, видимо, на ее гладиолусе очередной цветок распустился:

– Ухожу, ухожу, – сказала женщина и резко прикрыла входную дверь.

Платон сидел с двумя телефонами: сотовым и обычным, глаза у него были грустные-грустные. Ему было очень плохо.

– Платон, – сказала вошедшая в квартиру Инесса Евгеньевна и замолчала.

– Мама, Анфиса отдала тебе старый стул?

– Ей не до стула, я так поняла ситуацию в ее доме. Она стул не хочет продавать. А ты откуда про стул узнал?

– Анфиса мне стул отдавала склеивать, а потом мы провели серию климатических испытаний с этим стулом по ее просьбе.

– Понятно, а мне сказала, что стул ей от бабушки достался. Платон, ты не мог бы еще двенадцать стульев подвергнуть этим самым испытаниям, которым подвергли первый стул?

– Мать, ты чего? Анфиса просила еще для пяти стульев провести цикл испытаний, а ты уже двенадцать стульев предлагаешь, не много ли тебе?

– А жить всем хочется. Трудно помочь? Хочешь, я выступлю официальным заказчиком этих самых испытаний над стульями? Только надо все сделать так, как было со стулом Анфисы. Стул замечательно смотрится.

– Не понял…

– Ты давно был в антикварном магазине?

– Я туда вообще не хожу.

– Зайди, посмотри, чем торгуем. Где на всех покупателей антиквара найти? Вот, сами и придумываем вар-антиквар.

– Прости, не сразу понял. Ладно, испортим твои стулья по полной программе. У нас все записано. Кто-то у Анфисы есть? Она тебе говорила?

– Нет, я у нее никого не видела и ничего про других мужчин не слышала.

– А мне показалось, что у нее вместо антикварного стула славянский шкаф завелся.

– А шкаф в твою печь не влезет? Мы бы шкафчики сделали…

Анфиса словно очнулась ото сна и внимательно посмотрела на Степана Степановича так, словно холодным душем его облила:

– Степан Степанович, шел бы ты домой, ну не люблю я тебя!

– Чего глупость говоришь? Куда я пойду? Мне и тут нравится.

– Зачем ты ко мне банным листом прилип? Я думала, что Платон ушел, я одна поживу.

– Это его мать приходила? Красивая женщина!

– Шел бы ты к ней, что ли.

– А возьму и пойду, вдруг не прогонит, – сказал Степан Степанович, надевая рубашку.

– Ты что – всеядный? Тебе все равно, кто и с кем? – спросила Анфиса, застегивая молнию на халате и надевая тапочки на ноги.

– Не знаю. Меня бабы боятся – или боятся, что прокормить не смогут.

– Скорее последнее. Оделся? Счастливо! – сказала Анфиса, не думая о последствиях.

Степан Степанович вышел из квартиры Анфисы, даже не думая на нее обижаться, и решительно позвонил в соседнюю квартиру.

Дверь ему открыл Платон:

– Вы к кому пришли? – спросил он недоумевая.

– Я пришел к Вашей маме. Мне с ней поговорить надо. Я для ее магазина мебель делал.

– Что Вы говорите! Только без меня, – сказал Платон и вышел из открытой двери, но тут же позвонил в дверь Анфисы.

Анфиса посмотрела в глазок, увидев знакомый силуэт Платона, открыла дверь.

– Привет, Платон!

– Да мы сегодня уже виделись, просто день выдался длинный.

– Ты прав, проходи, садись.

– Можно, но не на стулья восемнадцатого века.

– Чай с лимоном пить будешь? У меня вафельный торт есть.

– Давай чай, если больше нечего дать.

– Я спать хочу, день трудный был. Сам чай нальешь? Все на кухне.

Платон пошел на кухню, походил, покрутился, вернулся в комнату. Анфиса спала…

Глава 3

В кресле тихо спал Платон, равномерное дыхание мужчины не нарушало общий покой комнаты. Анфиса, проснувшись, сквозь остатки сна пыталась вспомнить, кто в ее комнате спит. Она чувствовала второе дыхание.

За окном светлело. Она перевернулась на другой бок и увидела спящего в кресле бывшего мужа. Его не было несколько месяцев, и она успела от него отвыкнуть, но родные флюиды любимого человека вновь стали тревожить сонный покой.

Платон открыл глаза:

– Привет, Анфиса. Проснулась? Я тут как твой сторож сижу. Точнее, охранник. Я тебя от Степана Степановича стерегу.

– Доброе утро, если не шутишь. Еще есть время поспать, ложись на постель.

– Ты не прогонишь? От тебя всего можно ожидать. Устал я жить гонимым мужем. Я еще не выяснил, что здесь делал Степан Степанович. Вы с ним спали? Вот на этой постели?

– Платон, «что было – то было, и нет ничего, люблю, как любила, тебя одного…»

– Опять на песни перешла вместо слов! А я возьму и лягу рядом с тобой.

Анфиса вся потянулась, перевернулась, укрылась одеялом.

Платон прошел в ванную, пошумел водой, вернулся и скромно лег на краю широкой кровати, потом не выдержал, повернулся и нырнул под одеяло к бывшей жене.

Они обнялись порывисто, страстно и привычно…

Степан Степанович зашел в квартиру к Инессе Евгеньевне:

– Здравствуй, хозяйка! Не прогонишь? Мы одним миром с тобой мазаны, дерево любим.

– Чего от меня хотите?

– Любви.

– Вы в своем уме? – от возмущения у Инессы Евгеньевны голос стал прерывистым.

– А чего уж я такого предложил? Просто я соскучился. У нас с Вами связь крепче, значит, и любовь будет крепче.

Инесса Евгеньевна задумалась, вспоминая, что там у нее по плану в ее жизни написано, но вспомнить слова астролога не смогла. Она внимательно посмотрела на Степана Степановича:

– Вам сколько лет, молодой человек?

– Я Степан Степанович, мне много лет, я бобыль. Так чем мы не пара? Я знаю больше о Вас, чем Вы можете представить. Вы старше меня, но лет на семь, не больше, а семь лет никогда не считаются…

– Вам сорок лет? А мне сорок семь. Вроде и не старая женщина.

– А кто сказал, что Вы старая? Кормить меня не надо сегодня. От Вас я в трех автобусных остановках живу. Вы не бойтесь, у меня есть квартира.

– Скажите честно, я смогу от Вас сегодня избавиться? – спросила Инесса Евгеньевна со смутной тревогой в голосе.

– Вряд ли. Не тянет меня сегодня домой, у Вас уютней. Мне хочется женского уюта, знаете ли. И мне одному жить надоело.

– Платон сейчас вернется.

– Да ни за что Платон от такой бабы не уйдет!

– А ведь Вы правы, ради его счастья можно Вас потерпеть в своем доме.

– И на том спасибо, мне только диван большой нужен.

– Кровать у меня огромная, ложитесь на нее, а я на диване лягу.

Под утро проснулась Инесса Евгеньевна, спать на диване под пледом ей было неудобно. Она села на диван, сунула ноги в тапки, поправила халат, в котором так и спала из-за чужого для нее человека в квартире. На миг ей показалось, что медведь оказался медвежатником, что он вскрыл ее сейф и скрылся. Она почувствовала дуновение ветра и тревогу в душе. Набравшись храбрости, женщина вышла в прихожую.

Дверь в комнату, где спал Степан Степанович, была плотно прикрыта. На вешалке для гостей висела его огромная куртка. На полу стояли гигантские кроссовки. Входная дверь светилась спокойствием от утренних лучей света, падающих на нее из кухни. Она бесшумно прошла по ковровой дорожке на кухню.

Степан Степанович сидел за столом и смотрел в окно.

– Степан Степанович, почему не спите?

– Меня вчера сам черт попутал, и я к Вам ворвался. Стыдно, знаете ли, на утреннюю голову. А я ведь и не пил вчера. Простите, если можете, я сейчас уйду.

– Я не отпущу Вас. Еще чего доброго, к Анфисе пойдете стучать, звонить! Лучше часок здесь посидите, так надежнее.

– У меня ведь тоже есть сын, ему четырнадцать лет, я с его матерью развелся.

– Так Вы нормальный человек. У Вас все есть. Чего не хватает?

– Женской заботы. Люблю я женское внимание, уход, домашний уют, чистоту.

– Это всем нравится, а чем можете оплатить женское внимание к своей особе?

В куртке, весящей в прихожей, зазвонил сотовый телефон.

Степан Степанович быстрым шагом подошел к куртке, достал из кармана телефон:

– Зинаида, привет! Почему рано звонишь? Что? Где он сейчас? Не знаешь?! Время пять утра! Ладно, еду домой, – прокричал с паузами в трубку Степан Степанович и обратился к Инессе Евгеньевне, закрывая крышку телефона. – Инесса Евгеньевна, мне надо уйти. Сын у меня сидит под дверью. Он от матери убежал. А я тут сижу.

– Да, конечно, поезжайте. Машина у Вас есть? Транспорт еще не ходит.

– Я бегом добегу, машины с некоторых пор у меня нет.

– Могу Вас подвезти. Мне и самой интересно, что там с Вашим сыном.

Вскоре Инесса Евгеньевна предстала перед глазами изумленного Степана Степановича. Она была в джинсах, белых кроссовках, бирюзовом джемпере, связанном поперек, а не вдоль, как обычно вяжут свитера, с ключами от машины и от квартиры, которые она быстро убрала в маленькую сумку, которую тут же повесила на плечо.

Степану Степановичу женщина в новом исполнении пришлась по душе. Они сели в золотистую машину Инессы Евгеньевны и поехали к его дому по еще пустым улицам города.

Мальчик сидел на школьном рюкзаке и спал под дверью квартиры своего отца. Степан Степанович нежно поднял его, открыл дверь, ведя сонного сына. Следом за ними в берлогу зашла Инесса Евгеньевна. Однокомнатная квартира дышала запустением, легким налетом пыли. Сына Степан Степанович положил на диван и вышел к Инессе Евгеньевне.

– Спит Паша, просыпаться не хочет, – сказал шепотом Степан Степанович.

– Пусть спит. Выспится, сам все расскажет. Вы матери его позвоните, пусть не беспокоится.

– Да ни за что ей звонить не буду! Еще чего! Она позвонила мне и обо всем забыла. Пьет она, знаете ли, Инесса Евгеньевна.

– Трудный случай, тогда ему лучше у Вас жить, чем с матерью.

– И я так думаю. Теперь он большой, сам пусть решает, с кем жить.

– Так я пойду, Вы сами справитесь.

– Останьтесь, простите, но комната одна. Мы с Вами посидим на кухне, пока он спит.

Инесса Евгеньевна прошла на кухню, звенящую пустотой холодильника, пылью на плите и мужской неприкаянностью.

– Степан Степанович, из чего здесь можно приготовить? У Вас ничего нет!

– Я все куплю, как только магазины откроются.

– Знаете ли, – сказала Инесса Евгеньевна, непроизвольно повторяя словечко Степана Степановича. – Не люблю готовить на чужой кухне. Сегодня воскресенье, жду Вас с сыном на поздний завтрак, часам к двенадцати.

– Будем, непременно придем, если Паша не заартачится.

В девять часов утра в квартире Инессы Евгеньевны раздался звонок в дверь, на пороге стоял Платон:

– Мама, у тебя все в порядке?

– Да, проходи.

– Где Степан Степанович? Анфиса спит. На кухне у нее нет никаких продуктов. Есть хочется.

– Вы помирились? Улыбаешься? Значит помирились. Тогда поехали вместе в магазин за продуктами, по дороге расскажу, где я сегодня была.

Они зашли в универсам, взяли корзину на колесиках и стали обходить магазин по зигзагу, собирая все на своем пути и сбрасывая в корзину.

– Мама, чего так много покупаешь продуктов?

– В двенадцать ко мне придет Степан Степанович со своим сыном, и вы приходите с Анфисой. В честь вашего примирения я всех накормлю полным обедом.

В двенадцать часов дом Инессы Евгеньевны был готов к приему гостей не без помощи Платона. Первой пришла Анфиса, она принесла торт и бутылку марочного крымского вина. Через пять минут появились Степан Степанович и Паша. Резко увеличившаяся семья села вокруг стола на стулья, изготовленные фирмой Степана Степановича.

Завтрак, переходящий в обед и ужин, затянулся на весь день. Платон сидел с Пашей за компьютером. Анфиса мыла посуду после длительной трапезы. Инесса Евгеньевна со Степаном Степановичем разговаривали в гостиной, сидя в двух больших креслах. Между ними стоял мраморный журнальный столик, на котором стояла ваза с фруктами. Они ели виноград и вели беседу.

– У нас с Пашей сегодня праздник жизни получился, – сказал Степан Степанович, отправляя в рот кисточку с виноградом и вытаскивая пустую ветку.

– Мне приятно вас всех накормить обедом. Я редко собираю дома людей, да и некого особо к себе звать, – сказала Инесса Евгеньевна, отрывая одну крупную виноградину от большой кисти и отправляя ее в рот красивыми пальцами с элегантным маникюром.

– Рай у Вас, просто рай, Инесса Евгеньевна! – сказал Степан Степанович, отрывая следующую веточку винограда.

– Оставайтесь у меня с Пашей, – сказала женщина и сама испугалась собственных слов, но забирать их ей казалось неприличным.

– А если мы согласимся, что делать-то с нами будете? Мы много едим, ведь мы крупные мужики.

– Что делать буду? Буду ездить с вами за продуктами. Учить вас готовить. Посуду вы мыть умеете.

– А где мы все поместимся?

– Квартира трехкомнатная. Платон помирился с Анфисой, он у нее будет жить, а вы у меня.

– Так давайте объявим о помолвке, я правильно Вас понял? И перейдем на «ты»?

– Не торопитесь объявлять, это вызовет антагонистические толки в наших славных рядах. Пусть все будет так, как само получится.

В этот момент входная дверь распахнулась. На пороге возникли трое мужчин в масках.

– Всем внимание! – прокричал один мужчина, размахивая в воздухе пистолетом, – Мы пришли раскулачивать директора антикварного магазина! Всем выйти в прихожую с поднятыми руками, а хозяйка пусть откроет добровольно свой сейф! У нее должны быть деньги!

Степан Степанович открыл челюсть, потом сомкнул ее. Он посмотрел, что люди потянулись в прихожую, подгоняемые налетчиками. Инесса Евгеньевна подошла к комоду, на котором стояла ваза с гладиолусами, словно хотела цветами защитить себя и близких ей людей.

Степан Степанович слегка сжался и медленно вышел в прихожую, там он подмигнул своему сыну, который резко выкинул вверх ногу и выбил пистолет у главаря банды налетчиков. Степан Степанович двумя руками обезоружил двух мужчин и скрутил им руки так, что те закричали от боли.

Через минуту три человека в масках были без масок и держали руки за спиной. Они подобострастно заглядывали в глаза Степану Степановичу. Одним из налетчиков оказался Родион, это он навел грабителей на дом своего директора магазина.

Первая гражданская жена Степана Степановича позвонила второй гражданской жене Степана Степановича и сказала ей:

– Полина, хочешь дочь Инну на каникулы отправить?

– Что, правда? Куда?

– Темнота, Паша мне позвонил, так они с отцом живут у директора антикварного магазина. И живут они как у Христа за пазухой.

– Его девчонку не прокормить, вылитая его дочка!

– Я тебе сказала, а ты думай. Директорша и твою дочь прокормит…

Полина позвонила Степану Степановичу:

– Степан Степанович, где отдыхаешь? Возьми дочь отдохнуть к себе на неделю.

– Ты чего? Да я сам только пристроился!

– Пашу взял, а Инну не берешь?!

– Что за люди, отдохнуть не дают! Вези дочь ко мне домой.

– Нет, ты не дома живешь, а у самой директорши антиквара.

– Хорошо, привози на наше место встречи, я буду там через час.

Через час Степан Степанович стоял рядом с дочкой лет семи и думал, куда пойти, куда податься. Мимо него проехала Инесса Евгеньевна на золотистом автомобиле, она остановилась рядом со Степаном Степановичем и сказала:

– Степан Степанович, что за красавица с тобой стоит?

– Моя дочь, Инна.

– Имя милое, куда путь держите? Ко мне?

– Что Вы! Мы гуляем. Мать ее дала мне на часовое свидание.

Инна во все глаза смотрела на красивую женщину в золотистой машине.

– Папа, я хочу поехать с этой тетей, у нее машина красивая.

Степан Степанович и Инна сели в машину.

– Степан Степанович, скажи честно, сколько у тебя еще детей?

– У меня всего двое детей, и те живут не со мной. Это дети моих гражданских жен.

– Если только двое, – задумчиво проговорила она, – бери с собой дочь на неделю, больше я не выдержу. Это в качестве премии за спасение от грабителей.

– Спасибо, Инесса Евгеньевна, век Вам буду благодарен. У нее каникулы начались, она дома у Вас неделю погостит.

Инна пронеслась вихрем по квартире. Она, закончив обход помещений, села в кресло и сказала:

– Папа, мне здесь очень нравится! Я согласна прожить здесь недельку.

Из соседней комнаты вышел Паша. Он с трудом оторвался от очередной игры, которую ему установил Платон, но оставить без ответа слова сестры по отцу он не мог:

– Инна, ты уверена, что тебя здесь оставят жить? Не жирно ли для тебя?

– Здравствуй, Паша! А я буду так себя вести, что меня захотят оставить. Вот!

Она встала с кресла и подошла к Инессе Евгеньевне:

– Я не буду Вам мешать, тетя! Я буду помогать Вам. Вот!

– Деточка, а что ты умеешь делать, чтобы мне помочь? Раньше я без помощников обходилась, а сейчас бы я от помощи не отказалась.

– Я умею пыль стирать с мебели, могу пол протереть, могу посуду помыть.

– Если ты такая трудолюбивая девочка, то я приму твою помощь. Идем, стол накроем для ужина.

Инна расплылась в довольной улыбке. Она вымыла руки и стала беспрекословно выполнять все команды Инессы Евгеньевны. Девочка сама пригласила всех к столу, затем на самом деле вымыла всю посуду. Хозяйка квартиры так была удивлена ее усердию, что помимо своей воли предложила ей занять диван в гостевой комнате. Для нее самой оставалось одно спальное место: одна на двоих кровать со Степаном Степановичем…

Степан Степанович усмехнулся, но промолчал. Он сразу понял, что следует из визита дочери в дом с тремя спальными местами. Честно говоря, он был доволен новым обстоятельствам в своей жизни. Паша прочно занял комнату Платона, его диван, компьютер и начинал носить его вещи.

У Инны вещей с собой не было, это Инесса Евгеньевна поняла сразу, поэтому после завтрака она предложила девочке съездить в магазин, до его открытия у них еще было время на сборы. Инна мгновенно оценила ситуацию и покорно пошла за своим новым спонсором. Они купили самые необходимые вещи для жизни в новых условиях в течение недели. Девочка светилась от счастья, она нежно держала руку тети Инессы и подпрыгивала то на одной ноге, то на другой.

Степан Степанович с удивлением заметил, что ему нравится Инесса Евгеньевна в роли матери его детей. Он даже готов был на главное, а именно на то, чтобы она стала его женщиной. На этот шаг они еще не решались в присутствии Паши, а присутствие Инны, напротив, ускорило их решение быть вместе.

Инесса Евгеньевна поймала себя на мысли, что играет в чужую жизнь, но эта жизнь все больше ее захватывала своей неожиданностью.

Инна изображала из себя горничную и следила за порядком в квартире. Ее настоящая мать последнее время работала администратором в гостинице. Дети уснули, тишина и темнота окутала квартиру. Двое взрослых людей лежали неподвижно на разных краях большой, массивной кровати с полукруглыми спинками, так они и уснули…

В квартире дети прижились. Шла неделя за неделей, а они все еще жили вчетвером. Инесса Евгеньевна все чаще забывала о своем отчестве, Степан Степанович называл ее Инесса, дети – тетя Инесса. Но, оставалось большое НО: ничего не было между взрослыми. Они спали под разными одеялами на большой кровати и боялись перейти последнюю границу.

«Я люблю этот славянский шкаф», – думала Инесса Евгеньевна, вспоминая Степана Степановича, сидя в своем кабинете. Он стоял у нее перед глазами, она очень хотела испытать на ощупь этот славянский шкаф. С каждым днем ей все сложнее становилось держать нейтралитет.

– Инесса Евгеньевна, – ворвалась в кабинет продавщица Лена. – Там, там привезли славянский шкаф!

– Что с ним? Он ранен? – спросила Инесса Евгеньевна, продолжая думать о Степане Степановиче.

– Это шкаф. Он очень старый, но сколов на нем не видно.

– Какой шкаф, Леночка?

– Идемте со мной, шкаф в Вашем кабинете не поместится.

Они вышли на улицу.

На фоне кустов цветущей сирени стоял его величество славянский шкаф! Это был уникальный экземпляр славянского шкафа! Метра два шириной, метра два высотой. Он немного напоминал сервант, секретер, шкафы для одежды, но в одном флаконе.

Шкаф из дуба – это Инесса Евгеньевна сразу определила по рисунку древесины, из которой был выполнен чудовищный красавец. Весь шкаф с большим мастерством и вкусом был украшен вензелями. Рядом стояли четыре дюжих молодца в униформе строителей.

– Кто хозяин шкафа? – обратилась она к рабочим в спецодежде.

– Мы, – хором ответили богатыри со стройки. – Понимаете, мы старые дома сносим под новые застройки. Мы обходили дом перед тем, как его сломать, и нашли этот шкаф, он был закрыт старыми досками и всяким хламом. Хозяева шкафа уехали в новый дом, а шкаф сдвинуть не смогли. Мы его с трудом к вам привезли. Возьмите шкафчик, пожалуйста.

– Кому я его продам, он такой большой, – начала Инесса Евгеньевна сбивать цену.

– Понимаем, гражданочка. Вы не беспокойтесь, мы много не просим. Заплатите нам, сколько сможете, а мы на четверых деньги и разделим и забудем друг о друге.

– Хорошо, занесите его на склад. Шкаф еще реставрировать надо.

– Без проблем.

Рабочие взяли деньги, один из них оказался с паспортом, на него и записали сданный в магазин шкаф. Рабочий взял деньги с чеком через кассу, разделил их перед кассой на четыре части, и они отбыли на свою стройку.

Инесса Евгеньевна вызвала реставратора мебели, который при виде шкафа наполнился счастьем до краев и приступил к любимой реставрационной работе.

Вскоре на пороге кабинета директора возник Родион.

– Здравствуйте, Инесса Евгеньевна, – заговорил он.

– Родион, ты откуда и куда? И без пистолета?

– Инесса Евгеньевна, простите меня, пожалуйста! Мы пошутили. Пистолеты у нас были деревянные, их мой отец столяр делал для театра. Я взял три деревянные игрушки. Ребята захотели приколоться. Мы только пошутить хотели. Из милиции нас выпустили за отсутствием улик.

– У меня слов нет. Что ты от меня хочешь, гражданин Родион Селедкин?

– Хочу вернуться на работу.

– Совести у тебя нет! Грабить своего директора магазина! Но работник ты хороший, с этим не поспоришь. Так что говоришь? Твой отец – столяр? Хороший? А шкаф сделать сможет?

– Да без вопросов.

– Прощу тебя ради твоего отца, только приведи его сюда.

– Отец здесь, он ждет меня на улице у кустов сирени. Обожает отец сирень.

Столяр Селедкин зашел в кабинет, снял кепку, наклонил голову в знак приветствия. Инесса Евгеньевна и столяр нашли общий язык. Столяр согласился сделать еще один шкаф из дуба.

В кабинете раздался телефонный звонок:

– Инесса Евгеньевна, это я, Анфиса. У меня есть идея, как продать антикварные стулья.

– Слушаю очень внимательно, – строго сказала Инесса Евгеньевна.

– Не надо ничего придумывать, все придумано. Надо написать табличку, что этот стул из гарнитура великого писателя восемнадцатого века, и рядом повесить фотографию кабинета

этого писателя, на которой ясно виден стул. И все… Стулья состарим, договоримся с дежурной, которая испытания проводит на климатических стендах.

В кабинет опять зашел Селедкин-младший:

– Инесса Евгеньевна, я могу приступить к работе? Спасибо Вам за папу, он любит шкафы делать и очень любит работать с дубом.

– Действуй! Сам все знаешь. Дуб отцу на днях привезут.

Инесса Евгеньевна набрала номер телефона Анфисы:

– Анфиса, есть для тебя еще одно интеллектуальное задание.

– Слушаю очень внимательно.

– В обед в магазин приезжай, покажу один шкаф. Фотоаппарат цифровой не забудь взять, сфотографируешь дубового монстра, а потом надо ему историю придумать.

– Постараюсь помочь.

Затем Инесса Евгеньевна позвонила Степану Степановичу:

– Степан Степанович, будь человеком…

– А я что, славянский шкаф? – обиделся Степан Степанович.

– Кстати, о славянском шкафе, мне тут один шкаф привезли, посмотри сегодня. Очень интересный экземпляр.

– Приеду…

Рядом со славянским шкафом собралось несколько человек. Реставратор открывал дверцы и шкафчики. Удивительно, но старый дубовый шкаф внутри сиял непонятной чистотой. Внутренность шкафа мерцала и переливалась от непонятных источников света. Люди стали издавать возгласы неподдельного восхищения при открытии очередных дверок и ящичков. Хмурое помещение склада замерцало и засияло непонятным освещением. Шкаф был пуст.

Инесса Евгеньевна позвонила Платону:

– Платон, мне привезли удивительный шкаф, он полон технических загадок. Мы не в состоянии понять, что такое есть внутри шкафа, что может светиться.

– Мама, немедленно выведите всех из помещения и закройте все дверцы шкафа. Немедленно! Я еду.

– Товарищи, всем немедленно покинуть помещение! – крикнула Инесса Евгеньевна прерывистым от волнения голосом.

Люди заторопились к выходу, вслед за ними все покупатели магазина и все сотрудники потянулись на улицу к кустам сирени. Магазин опустел. Через десять минут появился Платон с человеком из общества по изучению непонятных явлений цивилизации, естественно, это был все тот же Родион Селедкин. Они прошли на склад.

Дубовый шкаф светился в темноте всеми своими щелями, расположенными между различными дверцами. Платон открыл дверцу шкафа. Родион сфотографировал внутренность шкафа. От вспышки в фотоаппарате произошла ответная вспышка в шкафу, из которого вылетело светящееся белое облачко и быстро исчезло. Светящихся веществ на свете существовало достаточно много, друзья об этом много читали и знали. Первое светящееся вещество типа белого фосфора было открыто в семнадцатом веке.

Если это шкаф бывшего химика? Платон и Родион вышли на улицу, где стояла целая толпа людей, сосредоточенных на создании различных предположений и вымыслов.

– Все в порядке, – сказал Платон, – но шкаф лучше отдать на экспертизу в научный институт, он является химической загадкой природы.

– Платон, да я за него деньги заплатила! – вспылила мать не на шутку.

– Мама, отдадут тебе твои деньги! Тут, такая загадка! Такая!

Загадка не загадка, а во двор стали приезжать различные служебные машины. Шкаф с большими почестями отправили на экспертизу. Знатоки дерева отошли в сторону, они хотели

одного: изготовить еще один такой шкаф, но обычный, без светового эффекта, и продать его как шкаф семнадцатого века.

Эксперты постановили: ввиду радиоактивности шкафа подвергнуть его утилизации.

«Облом», – подумала Инесса Евгеньевна и для возвращения своих средств, заставила всех, кто успел увидеть этот удивительный шкаф, его нарисовать, изобразить с размерами, с рисунками украшений. Она решила изготовить новый шкаф.

«Облом», – подумал Степан Степанович, он сразу понял, что дети ему больше не грозят. Вероятно, он рядом с этим шкафом потерял все свои мужские качества. И он решил проверить, а правда ли он еще мужик или уже все.

Глава 4

И вот, вечером, когда дети спали, а делать было нечего, он протянул свою огромную руку к дремавшему телу Инессы Евгеньевны. Она повернулась к нему, коснулась своей рукой его руки. И вы знаете, мужчина решил, что эксперты их надули, он оказался полноценным мужиком, что вполне может подтвердить его женщина.

Любовь состоялась, чего еще надо желать женщине? Все есть. Но не было теперь у женщины отдыха, не было личной комнаты. Она жила словно бы в чужом мире, в вечных гостях. Куда бы она ни шла по квартире, везде были люди. Она и уснуть не могла без посторонних глаз и лишних вопросов. Для нее это было давно забытое прошлое, а таким настоящим она заплатила за любовь Степана Степановича.

Дорогой мужчина оказался, лучше бы Селедкина взяла, он хоть бы своего отца ей в дом не привел, а сам бы пришел. Инессу Евгеньевну продолжали удивлять дети, дома был исключительный порядок, поддерживаемый Инной и Пашей. Степан Степанович исправно покупал все основные продукты на собственные деньги. Паша неплохо готовил.

Одним словом, все в доме само делалось, а то, что они замечательные охранники, она знала на личном опыте последнего комедийного ограбления с участием Селедкина с деревянными пистолетами и двух его приятелей в масках из гольфов. Как избавиться от домашних трудолюбивых завоевателей? Вот в чем вопрос нынешней жизни Инессы Евгеньевны, ее даже Степан Степанович перестал волновать.

Она взяла почту из ящика, огромную кипу рекламных газет, открыла верхнюю газету и обнаружила объявление о новой косметической процедуре. Из своего бывшего кабинета несколько раз позвонила в этот салон и при первой возможности поехала на новую процедуру. Процедура еще та. Ее натирали морскими водорослями, обмазывали гелями, пеленали полиэтиленовыми полосами, широкими бинтами, пропитанными различными составами, делали массаж лица. Через полтора часа она встала с места, шатаясь. И только через двенадцать часов Инесса Евгеньевна почувствовала легкость в теле и полное равнодушие к окружающей среде. Она остыла к Степану Степановичу. Он это почувствовал и сказал, что для всех отпуск закончился.

Вечером все семейство Степана Степановича разъехалось по своим местам без помощи Инессы Евгеньевны, поскольку она впала в молчание. Она проводила домашних завоевателей, посмотрев в окно. Зашла в свою пустую квартиру и перешла на новый этап своей жизни. Она взяла новую книгу, легла головой к окну и стала читать. Из книги выпала фотография, на фотографии был снят славянский шкаф на фоне сирени, а рядом со шкафом стоял Степан Степанович.

Интересно, когда успели сделать фотографию и сунуть ее в новую книгу? И тут она вспомнила, что покупала книги для Инны и купила себе книгу. А на цифровой фотоаппарат снимала Анфиса по ее просьбе. Славянский шкаф хорошо получился, а ее глаза обратили свое внимание на Степана Степановича, в сердце прошла теплая волна чувств. Она вздохнула, отложила фотографию, но удовольствие от чтения было основательно испорчено воспоминаниями.

Степан Степанович места себе не находил, бродил по пустой квартире, как зверь в клетке. Душа его разрывалась на части, хотелось выть, кричать от пустоты, от безнадежности своего существования. Все казалось глупым, ненужным, скучным. Раздался звонок:

– Папа, ты не грусти, – проговорила быстро Инна и тяжело вздохнула. – Я так рада, что мы с тобой были вместе у тети Инессы! Мне так хорошо было с вами. Спасибо…

Дочь сама прервала свое признание.

Телефон вновь зазвонил:

– Отец, спасибо тебе! Мы так хорошо все вместе пожили. Класс… – пробасил Паша.

Сын положил трубку, не дожидаясь слов отца.

Третий раз зазвонил телефон:

– Степан Степанович, мне плохо без вас. Извините, я вас вроде не прогоняла. Может, чем вас обидела? – тихо и грустно спросила Инесса Евгеньевна.

– Инесса Евгеньевна, дети только что мне позвонили, они сказали, что у тебя им было классно! Все нормально.

– Так в чем дело? Приезжайте ко мне. Ой, ко мне кто-то рвется! – прокричала женщина и бросила трубку на пол.

Степан Степанович услышал, что на его Инессу Евгеньевну опять совершено нападение. Он позвонил сыну. Оба побежали ее выручать. По цепочке новость дошла до Инны, и она поехала к тете Инессе.

В квартиру Инессы Евгеньевны ворвались два мужика. Как они вошли, осталось загадкой. Или она дверь забыла закрыть?

Один мужик с порога закричал:

– Платон! Ты где? Ты забыл взять удочки и оставил их у подъезда!

– Карася не поймаешь! Выходи и забери удочки, а мы пошли! – прокричал второй мужик.

Инесса Евгеньевна выглянула в прихожую, там и правда два мужика из их дома держали в руке вязанку удочек.

– Простите, а как вы вошли в квартиру?

– Мы к Платону пришли. Он удочки забыл у подъезда. Бабы видели, что он с Анфисой своей собрался ехать. Вещи носили, удочки забыли. Мы и решили удочки к нему принести, уж очень удочки хорошие. Здесь и спиннинг есть. Мы все принесли.

– Спасибо вам. Значит, Платон уехал на рыбалку без удочек. Я ему сейчас позвоню.

Мужики вышли в коридор.

Послышался голос Степана Степановича и его крик сквозь дверь:

– Инесса, у тебя все в порядке?

Инесса Евгеньевна открыла дверь, пропуская Степана Степановича. На лестничной площадке она заметила Пашу, который поднимался пешком. Они втроем зашли в квартиру. Через десять минут появилась Инна. Все четверо дружно рассмеялись и разбрелись по своим местам.

Второй визит детей в квартиру Инессы Евгеньевны носил несколько иной характер, нежили первый. Инна ничего не убирала, много рисовала, разбрасывала листки по квартире, книги не читала, постоянно звонила по телефону подругам, сидела во Всемирной паутине, не подпуская к компьютеру Пашу.

Она уходила, уезжала к своим бывшим подругам. Дома говорила, что она у Инессы Евгеньевны, а Инессе говорила, что она у мамы. Инна, если пытались ее ругать, делала невинные глаза и продолжала вести себя в духе визита номер два. Паша тоже не отличался усердием. Он уже не пылесосил квартиру, не пытался готовить еду. Он просто не пытался никому угодить, найти его было весьма затруднительно, и лето было в разгаре.

Степан Степанович особой любовью к Инессе Евгеньевне не пылал, зато ругал ее по любому поводу от души. Он мог ругать ее часами. Эта троица поверила в свою безнаказанность и большую необходимость в жизни Инессы Евгеньевны. Женщина не знала, что ей делать в создавшейся адской ситуации. Молодые из поездки не возвращались, уехали на две недели, а их не было уже три недели.

Неприятности со всех сторон сжимали Инессу Евгеньевну. Она вспомнила, в каком месте находятся сердце и нервы. «Клин клином вышибают», – подумала Инесса Евгеньевна и объявила семейке Степана Степановича, что все деньги кончились.

Она перестала давать деньги на продукты. А Степан Степанович на свои деньги во второй визит ничего не покупал. Она сократила все расходы, дома хлеб и тот закончился. Инна первая сказала Инессе Евгеньевне «прощайте» и ушла. Вскоре дом без продуктов покинули Паша и Степан Степанович.

Из почтового ящика взяла Инесса Евгеньевна прессу. Прочитала о бассейне, расположенном от нее не очень далеко, и пешком пошла с одной сумкой в руках.

Плаванье успокаивало, она заметила в лягушатнике новый гидравлический массаж, покрутилась перед мощной струей воды, когда выходила после этой раскрутки, резко упала на кафель. Полежав немного, поднялась и пошла домой с очередным ушибом от жизни.

По дороге в незаметном киоске она купила хлеб, сок, засунула продукты под вещи – и домой. Дома долго натирала мазью место ушиба на руке. После пережитых неприятностей даже телевизор не шел на ум, книгу она в руки не брала. Так и уснула.

Гроза бушевала всю ночь, утром ливень прекратился, а днем молодые приехали и подарок привезли Инессе Евгеньевне. Где они были, ей особо не рассказывали, сказали, что хорошо отдохнули. Инесса Евгеньевна воспрянула духом, но попросила проверить подарок на радиоактивность. Платон, смеясь, протянул ей прибор. Показатели были в норме.

Платон не мог выбросить из головы славянский шкаф, а его друг Родион – тем более. Они верили в радиоактивное свечение и не верили. Больше всего они боялись, что славянский шкаф уже успели уничтожить, и надеялись на неисполнительность исполнительных служб, и были правы отчасти. Шкаф вывезли на свалку и сбросили в общую кучу, недавно утрамбованную мусорной техникой.

Шкаф привлек внимание местных людей-воронов. Они общими усилиями шкаф вынесли со свалки, поставили на проселочной дороге и залюбовались деревянным исполином. Один мужик открыл дверцу шкафа, свечения в шкафу не было, да он и не знал, что оно было. Шкаф по общему согласию установили в лачуге, он стал целой стеной. Его многочисленные дверцы и ящики радовали людей-воронов свалки.

В качестве стенки и обнаружили шкаф Платон с Родионом. Даром шкаф мужики не отдавали, но за пару бумажек – отдали с великой радостью. Шкаф вытащили из лачуги, вид у него был затрапезный.

Платон так и сказал:

– Шкаф, до чего ты грязный, старый, паршивый, можно сказать! – не успел он договорить свои бранные слова, как весь исчез в славянском шкафу.

Родион глазам своим не поверил: был человек – и нет человека, а мужики к этой минуте уже ушли покупать зеленого змия на зеленые бумажки. Родион открыл самую большую дверцу шкафа, Платона там не было. Он посмотрел за шкаф, но и там его не было. Он стал быстро открывать все дверцы и ящики, но нигде друга не было.

Свечения в шкафу тоже не было! Родион измерил радиоактивность шкафа, параметры были в пределах нормы.

Анфиса подъехала к шкафу на своей алой автомашине с автоматической коробкой передач:

– Вот вы где пропадаете! Ищу вас везде! А где Платон? Родион, я тебя спрашиваю! Где мой любимый муж?!

– Анфиса, он исчез в шкафу без остатка.

– Ладно, я его сейчас соберу, – сказала Анфиса, фотографируя шкаф.

После вспышки фотоаппарата из шкафа, как джин из всех щелей, появился единый Платон.

– Родная моя, ты меня спасла! – кинулся Платон целовать Анфису.

– Ругаться меньше будешь, – ответила она, набирая номер мобильного телефона Инессы Евгеньевны. – Инесса Евгеньевна, это я, Анфиса! Я нашла Платона и славянский шкаф.

Шкаф привезли к цветущим кустам сирени, выгрузили, поставили на асфальт. Степан Степанович и Родион всем зевакам запретили говорить плохие слова рядом с грозным дубовым шкафом.

Родион проснулся с мыслью, что он непременно должен купить славянский шкаф в свое личное пользование, тогда шкаф сделает его богатым бизнесменом. Он только жалел, что две зеленые бумажки людям-воронам отдал не он, а Платон, и шкаф перекочевал в магазин, а у Инессы Евгеньевны шкаф станет таким дорогим. После своего вещего сна Родион пришел к мысли, что шкаф ему нужен для фокусов перед людьми, для которых он станет магом и волшебником.

Он научится вызывать дух шкафа из прошлого и сам изучит возможности шкафа. Он будет его единственным владельцем. Родион жил на первом этаже холостяком в однокомнатной квартире, поэтому доставка шкафа в его квартиру для него не являлась острой и мучительной. Трудным был вопрос, где взять деньги для его приобретения. Но ему помог случай…

Шкаф перенесли на склад магазина. К директору явился участковый инспектор, получивший информацию от своей местной агентуры, что увезенный шкаф вернулся в магазин. Инесса Евгеньевна на правах директор магазина сказала, что шкафа нет в магазине.

Она откупилась от визитера, понимая, что шкаф надо из магазина немедленно убрать. Она почему-то вспомнила про Родиона, позвонила ему и сама предложила спрятать в его квартире славянский шкаф. Шкаф, упакованный в полиэтиленовую пленку, замотанный скотчем, прибыл в квартиру Родиона как по щучьему велению, по его хотению.

Величественный шкаф предстал перед глазами Родиона, когда его еще не успели отреставрировать. Родион протер его от пыли и мелкого мусора олифой. Дубовый исполин засветился приятным деревянным светом. В это время шкаф вновь заработал, в нем появилось свечение внутри.

Инесса Евгеньевна видела, как притащили, иначе и не скажешь, дубовый стол. Осмотрев стол со всех сторон, она пришла к выводу, что рядом со славянским шкафом он будет отлично смотреться, но будут нужны дубовые стулья того времени. Подобную проблему она проходила и теперь только вызвала к себе Степана Степановича, чтобы его фирма к этому столу выполнила старинные стулья той же эпохи.

Сообразительный Степан Степанович сказал, что стулья надо украсить вензелями славянского шкафа и заодно добавить их к этому слегка простоватому дубовому столу. Ему выплатили задаток за заказ. Посмотрев на Степана Степановича, Инесса Евгеньевна пришла к выводу, что не мешало бы его приодеть, потом решила, что так он целее будет.

Столяр Селедкин сделал копию славянского шкафа: хорошую, добротную копию. Люди ходили вокруг шкафа, открывали двери, естественно, не вызывая свечения внутренних поверхностей дубового гиганта.

Все бы ничего, но вновь явился участковый инспектор, пытаясь найти упущения по поводу уничтожения этого шкафа; ему показывали, что шкаф новый, еще стружкой пахнет, а тот все искал вчерашний день.

В дверь вбежал возбужденный Родион, увидев стоящий новый славянский шкаф, закричал истошным голосом:

– Шкаф еще и летает!!!

Выяснилось, что он сбежал от свечения в шкафу, прибежал за помощью, чтобы выкинули из его квартиры шкаф. В открытые двери его квартиры просочилась толпа людей, которая остановилась перед старым шкафом, ничем не примечательным, вполне достойным быть на свалке жизни.

Стоило в комнату войти Родиону, как шкаф ожил. Из шкафа пошло белое свечение, завораживающее своим светом. Люди стояли и не двигались, им казалось, что если они сдвинутся с места – произойдет нечто странное.

Первым пришел в себя участковый инспектор:

– Вот он шкаф! А я грешил на директора магазина, а это Родион безобразничает. Родион, где шкаф взял?

– Где? На свалке. Шкаф не успели уничтожить. Тамошние люди его к себе определили.

– Значит так, сейчас дружно его загружаем в машину и везем на свалку! – грозно сказал инспектор, и… исчез в белом свечении шкафа.

Люди тихо стали выходить из комнаты.

Остался один Родион. Он сел на кособокий стул:

– А мне что делать? – спросил он у шкафа. – А, надо Анфису позвать, она вернет инспектора, – вспомнил он, как она Платона из этого шкафа высвобождала, но ехать за ней ему не хотелось, а мобильного у него не было…

Грузчики сообщили о новой ситуации Инессе Евгеньевне, о событиях в квартире Родиона. Рисковать собой и Анфисой она не захотела и вызвала Селедкина-младшего. Она дала ему деньги на цифровой фотоаппарат.

Родион Селедкин оказался сообразительным парнем, все сделал, как надо. Он сфотографировал славянский шкаф и выпустил из него инспектора.

На их глазах шкаф превратился в полированного красавца. Родион тут же запечатлел его новый облик, шкаф из своих недр на вензеля выпустил позолоту. От такой красоты Родион пришли в такое изумление, что сел на стул, ножки у него подвернулись, и он растянулся перед шкафом.

В этот момент в комнату вошла Анфиса:

– Какой шкаф красивый! Родион, а ты почему с пола на него смотришь?

Парень сидел и боялся вымолвить слово, он в упор не видел Анфису. Перед ним стояла молодая графиня лет семнадцати, в платье с талией под грудью, с локонами: жена Пушкина с известного портрета. Мгновение – и видение исчезло. Родион увидел перед собой девушку и скромный шкаф.

– Родион, что с тобой? Мне показалось, что шкаф был красивым, а он опять стал обычным.

– Анфиса, я тоже это видел. Я запомнил, каким он был! Вероятно, шкаф подсказывает, каким он был. Это видение из прошлого. Его надо реставрировать по его указанию, – необыкновенно спокойно проговорил Родион.

– Отличный вывод, но что-то мне подсказывает: его нельзя перевозить, кто его будет реставрировать? Если к нему подходит реставратор, он выдает радиоактивное излучение, а тебя он хорошо выносит. Родион, приводи своего отца, попытайтесь восстановить шкаф здесь. Материалы и работу оплатят.

Шкаф промолчал, соглашаясь с речью умной женщины.

Анфиса подумала о столе, у нее возникла мысль, что славянский шкаф и стол одним человеком созданы: папа Карло у них был один.

– Родион, есть просьба: поставь решетки на окна, металлическую дверь. К тебе привезут стол, твое дело – их охранять, наблюдать, лишних людей не пускать. Все оплачу. Не волнуйся, плачу не из своего кармана, из кармана заказчика.

Инна, пожив у Инессы Евгеньевны, четко осознала, что есть лучшая жизнь, есть красивая одежда и обувь. Она сделала свой вывод. Она стала донимать мать Полину просьбами: купи это, купи то, а не купишь – уйду из дома и не вернусь.

Девочка стала меняться вещами с подругами, обменивала свои вещи на чужую одежду, обувь, сумки. Полина не успевала следить за одеждой дочери, то она исчезала, то появлялась.

Стоило матери купить для дочери кроссовки за большие для нее деньги, как они через день исчезали, а через неделю появлялись грязные.

Мать их отмывала добела, кроссовки исчезали, а если приходила в дом подруга к Инне – того и гляди что-нибудь прихватит и вынесет. Взрослая женщина от такой чехарды предметов дочери, купленных для нее с большим трудом, порой на последние деньги, стала нервной и взвинченной до предела. Любая подруга дочери стала для нее врагом первой величины. Дом стал адом.

Дочь повадилась гулять по вечерам, перед прогулкой стала требовать деньги на карманные расходы, ведь Инесса Евгеньевна ей давала карманные деньги! Дочь запугивала мать, угрожала ей жалобами отцу, доставала ее по всем статьям.

Мать заболела, сил встать у нее не было, она сказала:

– Я не пойду на работу, мне плохо.

– Ты чего, мать! Мне деньги нужны, а она болеть вздумала!

Мать дошла до неконтролируемых рыданий, сквозь рыдания дочь продолжала ее обвинять в своей плохой жизни. Мать стала истерически кричать проклятия.

Дочь спокойно сказала:

– Выпей воды, это я из-за тебя боялась дома одна сидеть! Это ты во всем виновата! Не кричи на меня. Ты зачем меня к бабушке посылала? Она меня за косы таскала!

«Наверное, было за что», – подумала Полина, выпив воду после таблетки, и сказала:

– Инна, сама бери ключи от квартиры, открывай и закрывай дверь за собой.

Дочь ушла гулять, уверенная в своей правоте. Мать полежала, встала, занялась домашними делами, делиться такими событиями ей не хотелось.

Мать Паши тоже почувствовала временное влияние Инессы Евгеньевны, поначалу она радовалась, что сын пожил в достатке, по-человечески, с компьютером в квартире, с отцом пообщался. А сын… Он по возвращении от отца стал унижать мать своим высокомерием, своими новыми знаниями. Говорил ей, что она глупая, ничего в жизни делать не умеет, ничего не понимает.

Паша круто изменился, он излучал презрение в адрес матери, которая не знала, что ей делать. Парень с достоинством носил вещи от Платона и Инессы Евгеньевны и полностью отказывался носить ту одежду, что покупала ему мать.

Сам Степан Степанович, выручив Инессу Евгеньевну от нападения, возвратился в свою холостяцкую берлогу. Он рвался к ней, но понимал, что это невозможно. После нее его не интересовали две его бывшие женщины, он им отдавал деньги на детей, а сам жил достаточно экономно, да и не так много он и получал, чтобы все были счастливы. Поэтому Степан Степанович не мог решить проблемы своих детей на уровне Инессы Евгеньевны – разные у них финансы, разные.

Летом Платон решил поехать в отпуск куда подальше. Он подготовил машину к дальней поездке, взял минимум вещей и продуктов, зашел к Анфисе домой, а зря. На пороге стояли сумки, огромные сумки и гигантский чемодан на колесиках.

– Анфиса, ты куда собралась? – удивленно спросил Платон, рассматривая огромное, по его меркам, количество сумок.

– Платон, я решила поехать с тобой, – устало проговорила Анфиса, подтаскивая в прихожую очередную сумку. – Все надо, там ничего лишнего нет.

– Дорогая моя, ты прекрасно знаешь, что я еду в отпуск на две недели! Куда столько вещей набрала?! Если чего там нет, так вполне можно обойтись! Причем спокойно. А ты весь дом в сумки засунула! Они в машину не влезут!

– Влезут! Дорогой мой, я знаю твою новую машину и ее багажное отделение! Три сумки в ширину, две сумки в длину! Чемодан снизу. Собачку в клетке возьму на колени.

– А собачка откуда? У тебя собачек не было!

– Купила я маленькую трехмесячную собачку, она в домике спит. У нее есть все документы для пересечения границы.

– Нет, в таком случае мне лучше дома остаться, без тебя и твоей новой радости!

– Платон, твое дело – машину вести, я на место шофера сумки не поставлю! Не бойся!

– Успокоила. Я еду в санаторий, там рыбалка в двух озерах, стенды для стрельбы. Что ты там будешь делать?

– Понятно, родной, мне все понятно! Да, я не умею рыбу ловить! Я не люблю стендовую стрельбу, сильно в плечо после выстрела отдает! Буду сидеть на веранде домика и на горы смотреть.

– Ладно, отбери сумки первой необходимости и второй, чтобы знать, что можно оставить дома.

Платон ехал, ехал и вспомнил, что забыл положить в машину удочки, он их вытаскивал для укладки багажа, а удочки хотел сверху положить и забыл.

– Анфиса, я забыл удочки у подъезда, надо вернуться домой, что я без них буду делать?

– Платон, удочки бабки домой отнесут, они видели, что мы уезжали, а вернемся назад – дороги не будет.

– Это ты абсолютно права, я вернулся, и все пошло кувырком, а то бы один давно уехал и с удочками.

– Поедем в другое место! Какая разница, куда ехать!

Они остановились в деревне, расположенной у дороги. Анфиса отказалась спать в машине и показала на приличный домик. Хозяйка предложила им комнату с двумя узкими кроватями, но с большими подушками. Анфиса зашла в горницу и удивленно остановилась: перед ней стояли напольные часы, украшенные янтарем! Платон стоял рядом с ней, не отводя глаз от узкого деревянного шкафа, вверху которого располагался циферблат, выполненный из янтаря. На стрелках часов двигались маленькие янтари.

– Какая прелесть! – выдохнула Анфиса. – Просто чудо, а не часы! Откуда они у вас?

– Так мы тут всегда жили, рядом с дорогой. Прадеду моему за лошадь барин отдал эти часы, вот и стоят здесь, никто им не удивляется, – ответила приветливая хозяйка.

– Вы нам не продадите? – спросил Платон наугад.

– А что, купите? Надоели, черти, громко тикают, гирьки у часов в шкаф уходят, место только занимают эти часы, – сказал подошедший хозяин.

– Купим часы, а собачку оставим вам. Возьмете? – спросила Анфиса и добавила: – Собачка с родословной.

– Возьмем щенка! Он красивый, лапы у него крупные, большая вырастет собака, нам у дороги она не помешает, – ответила хозяйка.

На том и решили.

Утром Анфиса и Платон расстались с добрыми хозяевами, а часы привязали к крыше машины. В санатории Платон поставил часы в домике. Больше половины вещей, что привезла Анфиса, здесь были не нужны. Два прозрачных озера с рыбой доставляли ей зрительное удовольствие. Платон периодически сердился на Анфису за забытые дома удочки, а она отвечала, что ей нравятся карпы в пруду, а не на сковородке, что она не любит и не умеет жарить свежую рыбу. Ей понравилось кататься по озеру на бананах. Стендом для стрельбы распоряжалась девушка, она так ловко управлялась с оружием, что Анфиса невольно увлеклась стрельбой. У нее возникло ощущение, что ее, как пулю, вбили в стенд.

В углу комнаты громко тикали янтарные часы. Анфиса посмотрела на часы, ей показалось, что стрелки подмигнули. Она подошла к часам, открыла дверцы, и ей мучительно захотелось взять в руки гирьки. Она дотронулась рукой до тяжелой, металлической гирьки в виде цилиндра. Вторая гирька очень походила на золотой самородок, который когда-то она видела у Степана Степановича.

Двумя руками Анфиса подняла цилиндрическую гирьку, покрутила в руках. Она заметила линию соединения, нажала на гирьку снизу, и гирька в ее руках распалась на две части. Внутри гирьки лежало пожелтевшее письмо.

С большим трудом Анфиса прочитала, что эти часы созданы часовых дел мастером по заказу графа Орлова в 1770 году или нечто очень похожее. «Это же экспонат для музея Чесменской битвы», – подумала Анфиса, но сообщить о своей находке никому не успела.

Она сидела на веранде и читала книгу, но прочитать удалось одну страницу, рядом с ней как из-под земли возник привлекательный мужчина в костюме неопределенного цвета – Самсон. Она смутно вспомнила его в своей жизни, но тогда он появился рядом с ней сказочным образом с золотым самородком. А когда-то она в шутку придумала ему родословную.

– Анфиса, мне известно, что вы с Платоном купили янтарные часы в придорожной деревне. Было это или нет? Где янтарные часы?

– Откуда Вы о них знаете?

– Я знаю о тебе достаточно много. Где часы? Они принадлежат моим предкам! Прошу их вернуть законному владельцу, то есть мне! Вы купили часы у моих родителей!

– Ваши доказательства, господин Самсон? Почему часы Ваши?

– Я – правнук графа Орлова!

– А причем здесь граф? На часах этого не написано! Тем более что Вашу биографию я придумала Вам и распечатала ее на принтере!

– Анфиса, Вы что, не знаете, что у Вас часы графа Орлова? Значит, Вы признаете, что часы у Вас?

– Часов у меня нет! Мы их подарили, а кому – неважно.

– Ха! Не верю! Я слышу тиканье часов! Они мои!

Анфиса промолчала, спорить с человеком, у которого за плечами маячили два черных крыла в виде дружков в черных костюмах, она не пыталась, просто кивнула головой в знак согласия. Ее очень удивило, как основательно человек вжился в придуманную для него биографию предков. Самсон стремительным шагом вошел в домик. Анфиса побежала впереди него.

– Что-то забыли? – с непонятной тревогой спросила Анфиса.

– Да, по нашим точным данным у Вас есть мои янтарные часы, хотелось бы их вернуть истинному владельцу!

– Вы умный человек, у меня есть янтарные часы, но они принадлежат лично мне!

– Были Ваши – станут наши, сударыня!

Анфиса кивнула головой и захотела позвать Платона, но ее руку резко опустили. Они прошли из прихожей в комнату, этот момент заметил Платон, выглянувший из кухни. Он оценил ситуацию правильно и понял, что идут за янтарными часами. Пистолета у него никогда не было, но отдавать часы, в которые он уже вселялся по воле мистики, ему не хотелось. Часы стали для него родными.

Глава 5

Платон подмигнул часам и Анфисе. Она благодарно на него посмотрела, словно пыталась ему передать силы на борьбу за янтарные часы. Платон понял и резко направил правую руку в скулу господина Самсона с криком:

– Ты чего к моей бабе прицепился? Хвощ в костюме! Прочь из моего дома!

Два дружка вынырнули из-за плеч падающего хозяина. Платон двумя кулаками снизу отбросил их на лестничную площадку, захлопнув дверь, успев поцеловать щеку Анфисы.

– Спасибо, Платон! А такой приличный господин, наследник графа Орлова.

Самсон с дружками вышел на улицу. На следующий день Анфиса и Самсон поговорили без свидетелей на другом берегу озера и пришли к соглашению сторон. Смысл соглашения состоял в том, что Самсон ничего у Анфисы не отбирает, на нее не претендует, но при необходимости оказывает ей финансовую помощь за подбор стариной мебели.

Отношения Платона с Анфисой с каждым днем становились прочнее. Платон больше не бегал к матери на обед или ужин, ее квартира была заполнена людьми, и он все чаще готовил сам на кухне, если Анфиса зачитывалась очередной книгой. Иногда Платон поднимал крышку глазка в двери и провожал взглядом новое семейство своей матери, после чего еще надежнее оседал рядом с женой.

В комнату ворвался Платон:

– Анфиса, чем страдаешь? Есть мысль! Вся наша мистическая афера началась с янтарных часов! Мысль улавливаешь? Надо выпустить эффектные часы для мистических сеансов и продать их экстрасенсам! – быстро прокричал он.

– Отлично, Платон! Но мы специализируемся не на часах!

– Скучная ты, так придумай жесткую мебель для перехода людей в экзотическое состояние. Полина бы меня поняла.

Лучше бы он этого не говорил, в Анфисе появилась двойная ревность к Полине.

– Степан Степанович, поговори с Полиной, – сказала Анфиса и вышла из комнаты на кухню.

– Я – Платон, ты забыла? – крикнул он ей вслед.

Анфиса не ответила, ревнуя его к Полине, второй жене Степана Степановича, она поняла, что она его любит!

– Анфиса, соглашайся на диван со мной, – сказал мужчина, подхватив ее на руки, и, сверкая белыми зубами, он перенес ее в комнату, где стояли янтарные часы, очень похожие на те, что когда-то они купили в деревне у дороги.

– Вот так и рождаются легенды, – сказала Анфиса.

Что было дальше? Что-то необычайно приятное. Но любое приятное чувство иногда надоедает. В такие минуты Степан Степанович уходил от Инессы Евгеньевны, а Платон уходил от Анфисы, но ненадолго.

В дверь позвонили. Естественно, за дверью квартиры стоял Платон.

– Анфиса, не гони! Можно я к тебе пройду в комнату?

– Платон, ты один вполне войдешь в эту комнату, но за тобой придут твои друзья. Тесно станет.

– Не издевайся, – пробасил Платон, поднял Анфису на руки и вместе с ней прошел в маленькую квартиру.

– Выпусти меня! Не люблю я, когда меня поднимают! Отпусти!!! – закричала Анфиса в крепких руках мужчины.

Платон осторожно опустил Анфису на пол со словами:

– У меня есть идея! Ты будешь жить на кухне, а я – в комнате с часами. Все на местах! Не хочу я жить в домике с мужиками!

– сказать, что у тебя нет совести – это ничего не сказать, – зло процедила Анфиса. – Ты что думаешь, мне легко было переехать из квартиры в эту маленькую квартиру?!

– Тебе меня не выгнать! Я большой! Я весь тут! А что это за архитектурные часы стоят? Откуда такое старье в моей комнате? Выноси! Я могу и новые шкафчики сделать. Мне не нравится их громкое тиканье на моей территории! Останови часы! – нарочито раскричался Платон, словно он выпил немного для храбрости.

Дух янтарных часов очень обиделся за себя и добрую хозяйку, он подсветил янтарь на циферблате, и часы засветились. Вскоре заискрились и стрелки на часах. Анфиса посмотрела на часы и поняла, что в них живет дух времени. Она прекрасно знала, что многие предметы старины дышат своим временем.

– Чего это часы ожили? – спросил Платон у пространства.

Второй раз на него часы обиделись, дух часов дыхнул на Платона, и его душа вселилась в янтарные часы. Тело Платона приобрело внутреннюю оболочку шкафа, его мозги стали часовым механизмом.

Комната вновь была полностью в распоряжении Анфисы. Платон растворился в часах, словно его и не было.

– Платон, ты в часах? Пошевели стрелками, если меня слышишь! – весело воскликнула Анфиса.

Стрелки на часах пошевелились и пошли обычным путем.

– Вот до чего тебя жадность довела, часами стал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.